

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

ЧАРЛЬЗ МАРТИН

Там, где
кончается
река

«Приношу тебе в дар свою любовь.
Все, что есть у меня в жизни, отныне будет твоим.
Ибо я — часть тебя. До конца дней моих».

Джентльмен нашего времени. Романы Чарльза Мартина

Чарльз Мартин

Там, где кончается река

«ЭКСМО»

2008

УДК 821.111-31(73
ББК 84(7Coe)-44

Мартин Ч.

Там, где кончается река / Ч. Мартин — «Эксмо»,
2008 — (Джентльмен нашего времени. Романы Чарльза Мартина)

ISBN 978-5-04-091845-4

Судьбы художника из маленького провинциального города и дочери влиятельного политика должны были сложиться иначе. Доссу и Эбби, выходцам из разных социальных слоев, не стоило встречаться и уж тем более любить друг друга. Казалось, весь мир против их союза. Но что есть мнение ропщущей толпы для тех, кто поклялся любить друг друга до самой смерти? Вот только разлука может оказаться очень скорой. Узнав о надвигающейся трагедии, Досс и Эбби пускаются в рискованное путешествие, чтобы спастись от неизбежного. Сто тридцать миль и десять желаний – это все, что может им помочь.

УДК 821.111-31(73
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-091845-4

© Мартин Ч., 2008
© Эксмо, 2008

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	21
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	42
Глава 8	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Чарльз Мартин

Там, где кончается река

© Сергеева В., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Уважаемые читатели!

В 2007 году я познакомился с семейной парой, у них умерла от рака дочь. Когда я стоял возле могилы этой женщины, матери двух прелестных детей, а ее отец плакал рядом со мной, до меня вдруг дошло, что мы с ней ровесники. Жестокость судьбы глубоко поразила меня. Потом я узнал, что муж незадолго до смерти жены прислал ей в больницу документы на развод. Это поразило меня еще сильнее. И до сих пор не дает покоя.

Через несколько недель, когда я плыл в каяке по Сент-Мэрис, у меня возник замысел этой книги. Вот как это случилось. Лодка скользила по воде, солнце только-только появилось над горизонтом, а я думал: «Способен ли мужчина сохранить свою любовь? Способен ли он любить жену, даже если она лишилась волос и груди?» Потом я начал переносить слова на бумагу и обнаружил, что создаю нечто целое из разрозненных отрывков о любви и страдании. Результатом стал мой новый роман «Там, где кончается река». Да, в нем много говорится о боли, но, по-моему, красота все-таки победила.

Читатели часто спрашивают, почему я пишу такие книги, зачем беру такие сюжеты. По мере того как становлюсь старше (а мне 38 лет) и все больше постигаю жизнь, я замечаю, что мое сердце грубеет, словно покрывается чешуей. И я не один такой. Поэтому надеюсь, что мои книги достигнут глубин души и заставят читателей испытать прежде неведомые им чувства: любовь, о которой они позабыли, или надежду, давно вычеркнутую из списка. И еще: я пишу, чтобы пробудить собственную душу.

Спасибо за неоценимую роль, которую вы сыграли при создании этой книги.

С наилучшими пожеланиями, Чарльз Мартин

Пролог

*Посвящается моим бабушке и дедушке, Элей и Тилману Кэверш,
прожившим в счастливом браке шестьдесят семь лет.*

У меня мало приятных воспоминаний о детстве. Только моя мама и река. Я долгое время считал, что реку назвали в мамину честь.

Человек, который жил в нашем трейлере, всегда был зол. И постоянно курил, прикуривая одну сигарету от другой. Он никогда не бил меня, по крайней мере сильно, но от его голоса у меня болели уши. Мама говорила, что «во всем виновата бутылка», хоть я сомневаюсь, что подлость всасывается с алкоголем. Можно попытаться утопить ее в спиртном, но, как я убедился, подлость хорошо плавает. В поисках спасения мы с мамой уходили на реку. Она утверждала, что здесь мне, с моей астмой, будет легче. Мне так не казалось. На мой взгляд, от астмы могла избавить только смерть.

Я чувствовал себя так, будто мне на грудь положили тяжелый камень. Словно я втягивал каждый глоток воздуха через садовый шланг. Поэтому всегда испытывал трудности, когда требовалось выразить свои мысли и чувства. Мама хотела, чтобы я выражал свои чувства, она пыталась вытянуть их из меня. «Забудь о чувствах, – говорил я. – Чувствовать будем потом. А сейчас дай мне подышать».

Не считая пьяницы в трейлере, альбутерола и спазматического кашля, у меня была еще одна проблема: явный разрыв между чувствами и речью. Что-то во мне разъединилось.

Моя душа была разбита. А ее осколки казались островами. Я словно ощущал, что она не единое целое и в ней нет главного. Только раздробленный на части континент, фрагменты которого плавали в разных концах света. Нечто подобное мне попадалось на фотографиях, где изображены дрейфующие льды.

С пяти до восьми лет я ходил в шлеме, даже если не катался на велосипеде, а в школе носил кличку Синюшный – из-за характерного цвета губ. Чтобы чем-то занять меня в годы моего вынужденно малоподвижного и по большей части тяжелого детства, мама купила краски. И в них я нашел спасение. Я рисовал мир, в котором мне хотелось жить.

У реки стояла скамейка, на которой мы часто сидели вечерами, когда сигаретный дым и словесные излияния выгоняли нас из трейлера. Однажды, когда мне было лет десять, я подслушал чужой разговор и спросил:

– Мама, что значит «доступная женщина»?

– От кого ты это услышал?

– Вон от той толстой.

Мама кивнула.

– Детка, все мы иногда сбиваемся с пути.

– И ты?

Она коснулась моего носа кончиком пальца.

– Когда я с тобой – нет. – Мама обняла меня. – Но это не важно. Главное, что ты делаешь, когда сбиваешься с пути. – Она провела меня через заросли, усадила на скамейку. – Досс, в этой реке живет Бог.

Стоял один из тех вечеров, когда небо обретает бронзовый цвет, а солнце прячется за грозowymi облаками. Края облаков были алыми, а нижняя сторона – темно-синей. Вдалеке виднелась стена приближающегося дождя. Я окинул взглядом берег и рябь на воде и вспомнил все те моменты, когда мой язык как будто увеличивался, заставляя терять дар речи, за секунду до того, как я падал в обморок от недостатка кислорода.

Я нахмурился:

– Да уж, это многое объясняет.

Мама отвела волосы с моего лица, а я дважды быстро подышал в ингалятор.

– Что ты имеешь в виду? – Я задержал дыхание и махнул рукой в сторону дома. – По крайней мере в нашем трейлере Его нет.

Мама снова кивнула.

– Он там был, когда я тебя зачала.

Я уже научился ругаться и решил испытать мамино терпение.

– Может быть. – Я харкнул и сплюнул. – Но сейчас ни хрена Его там нет.

Мама ухватила меня за щеку и развернула лицом в сторону реки.

– Досс Майклз...

– Да, мэм?

– Посмотри туда. Что ты видишь?

Мой голос звучал хрипло и приглушенно:

– Воду.

Она слегка усилила хватку.

– Не умничай. Посмотри хорошенько.

– Мальков.

– Ближе. На поверхности.

Я вгляделся как следует и прикусил себе щеку.

– Деревья, облака... небо.

– Как это все называется?

– Отражение.

Мама разжала пальцы.

– Не важно, в какой грязи ты окажешься, но не позволяй ей замутить отражение. Ты меня слышишь?

Я указал на трейлер:

– Он мутит сколько хочет, а ты ему ничего не говоришь.

– Да. Но я ничего не могу поделать. А ты еще не сломлен.

– Почему ты его не прогонишь?

Мама тихо ответила:

– Потому что я умею только работать, много часов подряд, а он забирает все деньги. –

Она приподняла мою голову за подбородок. – Мой чудесный бинтик, ты слышишь?

– Почему ты так меня называешь?

Она прижалась ко мне лбом.

– Потому что ты исцеляешь мои раны.

Я тогда ни черта не знал о жизни, но не сомневался, что мама хороший человек. Я кивнул в сторону трейлеров:

– Сказать той толстой, чтобы заткнулась?

Мама покачала головой:

– Толку все равно не будет.

– Почему?

На небе блеснула молния.

– Потому что ей тоже больно. – Мама отвела волосы с моего лица. – Я повторяю... Ты меня слышишь?

– Да, мэм.

Прошло несколько минут. В воздухе запахло сыростью и приближающимся дождем, атмосфера насыщалась электричеством.

– То, что тебе дано, то, что ты можешь сделать при помощи карандаша и кисти, – это нечто особенное. – Мама притянула меня к себе. – И это ясно каждому идиоту. Я тебя ничему не учила. И не могла научить, потому что не в состоянии излить душу на листке бумаги.

– Я не чувствую себя особенным. Чаше – полумертвым.

Мама поправила юбку. Чуть выше пятки виднелся порез от бритвы. Она отмахнулась.

– Жизнь – непростая штука. По большей части – очень даже жестокая. В ней редко есть смысл, и она ничего не преподносит на блюдечке. Чем старше ты становишься, тем чаще она сбивает тебя с ног и топчет. – Мама попыталась рассмеяться. – Люди приходят к этой реке по многим причинам. Одни прячутся, другие от чего-то бегут, третьи ищут тихое, спокойное местечко – может, пытаются что-то забыть, облегчить свою боль, но... все они хотят пить. Ты – как река. В тебе таится то, что нужно людям. Поэтому не скрывай свой дар. Не ставь плотину. И не мути отражение. Пусть твоя река течет, и в один прекрасный день люди со всего света придут к ней, чтобы купаться и пить.

Она положила мне на колени альбом, вручила карандаш и велела смотреть на реку.

– Видишь?

– Да, мэм.

– Теперь закрой глаза.

Я подчинился.

– Сделай глубокий вдох.

Я закашлялся, харкнул и проглотил мокроту.

– Видишь картинку?

Я кивнул.

– Теперь... – Мама вложила в мои пальцы карандаш, и тут упала первая капля дождя. – Подумай, на что тебе хочется взглянуть еще разок... и дай себе волю.

Я так и сделал.

Вечером она рассматривала мой рисунок. Внезапно нос у нее захлюпал. В глазах стояли слезы.

– Пообещай мне кое-что...

– Что?

Мама выглянула в окно, за которым в клубках пара текла река. Она коснулась моего виска, а потом прикоснулась рукой к моей груди.

– То, что там, – это как источник, который бьет где-то в глубине. Он сладкий. Но... – По ее щеке потекла слеза. – Иногда источники пересыхают. Если тебе будет плохо и больно, если ты заглянешь в себя и поймешь, что твой родник пересох и осталась только пыль, тогда возвращайся сюда... ныряй и пей.

Так я и сделал.

Глава 1

30 мая

Я поднялся по лестнице в свою студию, ощутил запах сырых дров. Интересно, сколько нужно времени, чтобы пламя пожрало здесь все? Наверное, считанные минуты. Сложив руки на груди, я прислонился к стене и уставился на все эти глаза, что смотрели на меня.

Эбби так хотела, чтобы я поверил. Даже повезла меня за полсвета, поставила перед Рембрандтом, похлопала по плечу и сказала: «Ты можешь не хуже». Поэтому я рисовал. В основном портреты. Моя мать заронила зерно, а Эбби много лет спустя принялась его поливать и защищать от сорняков.

Хороший огонь и запоздавшие пожарные – и я получу кругленькую сумму по страховке. Вокруг, прислоненные к стенам, грудями лежат более трех сотен пыльных картин – плоды десятилетних трудов. Холст и масло. Лица, которые я запечатлел в тот момент, когда на них отражались эмоции – известные всем, но редко облакаемые в слова. Раньше получалось легко. Непринужденно. Бывали дни, когда мне не терпелось сюда вернуться, когда я не в силах был сдерживаться, когда писал по четыре картины в один присест. Во время этих ночных бдений я открыл в себе Везувий.

На меня смотрели последние десять лет жизни. Картины, некогда висевшие в домах по всему Чарлстону, теперь постепенно, одна за другой, возвращались ко мне. Самозванные критики местных газет сетовали, что моим работам «недостает оригинальности и чувства», а главное, что они «скучные, неглубокие и чересчур безыскусные».

Для этого критиков и держат.

На мольберте передо мной стоял холст. Пыльный, выгоревший на солнце, потрескавшийся. Пустой. Как моя душа.

Я шагнул в люк, проделанный в скате крыши, и вскарабкался по железной лесенке на смотровую площадку. Вдохнул соленый воздух и посмотрел на воду. На меня заорала чайка. Воздух, густой и влажный, окутывал город, как одеяло. Небо было чистое, но пахло дождем. Полная луна висела высоко, отбрасывая тени на воду, которая в тридцати метрах от меня набегала на бетонную стенку. Вдалеке, на юго-востоке, сверкали огни Форт-Самтера. Впереди сливались воды рек Эшли и Купер. Большинство жителей Чарлстона считают, что здесь начинается Атлантический океан. На севере виднелись остров Салливана и пляж, где мы часто купались. Я закрыл глаза и услышал отзвуки нашего смеха.

Это было давно.

Передо мной простирался Священный город с его шпилями, пронзающими ночное небо. Моя тень тянулась по крыше, цеплялась за штанину, тащила вниз. Кованая железная решетка, оберегающая от падения, была сделана полвека назад легендарным мастером по имени Филипп Симмонз. Сейчас ему перевалило за девяносто, его работы были на пике популярности, и за ними охотился весь Чарлстон. Смотровая площадка, потрепанная бурями, досталась нам вместе с домом. Все тринадцать лет, что мы здесь прожили, эти три метра пространства были местом, откуда я в ночи озираю весь мир. Мое уединенное прибежище.

В кармане загудел мобильник. Я взглянул на экран и понял, что звонят из Техаса.

– Алло?

– Досс Майклз?

– Слушаю.

– Это Анита Беккер, ассистент доктора Пола Вирта.

– Говорите.

Дыхание у меня сбилось. Так много зависело от ее слов. Она помолчала.

– Мы хотели позвонить и... – я догадался прежде, чем она сказала, – и сообщить, что контрольная комиссия разрешила нам принимать добровольцев для исследований лишь на первой стадии болезни. Не на второй.

Пронесся ветер и повернул скрипучий флюгер. Петушок теперь указывал на юг.

– В будущем году, если исследования пройдут успешно, мы собираемся начать изучение более сложных случаев. – То ли она стала говорить тише, то ли я ослабел. – Мы написали письмо в Слоун-Кеттеринг доктору Плисту, рекомендуя обследовать Эбби...

– Спасибо. Большое спасибо. – Я убрал телефон. Проблема с хватанием за соломинку в том, что ты долгое время чувствуешь себя в подвешенном состоянии, а в итоге, как правило, так ничего и не получается. Вот почему люди молятся.

Телефон опять зазвонил, но я не стал отвечать. Через минуту – снова звонок. Я взглянул на экран. Доктор Радди.

– Привет, Радди.

– Досс... – Он говорил негромко. Я буквально видел, как Радди сидит, облокотившись на стол и обхватив голову руками. Кресло под ним скрипнуло. – Мы получили результаты анализов. Если включишь громкую связь, мы сможем обсудить это втроем...

По его тону я все понял.

– Радди, она спит. Наконец-то заснула. Уже почти сутки. Может, просто скажешь мне?..

Он умел читать между строк.

– Досс, крепись. – Пауза. – Э-э... результаты... они... – Он замолчал. Радди был нашим лечащим врачом с самого начала. – Досс, мне очень жаль.

Мы оба ждали, пока кто-нибудь заговорит.

– И сколько нам осталось?

– Неделя. Возможно, две. Чуть дольше, если она будет лежать и не двигаться.

Я выдавил смешок:

– Ты ведь знаешь Эбби.

Глубокий вздох.

– Да.

Я убрал телефон в карман и почесал подбородок, заросший двухдневной щетиной. Я смотрел на реку, но мысли блуждали в двух сотнях миль отсюда.

Опустошенный и задыхающийся, я спустился в студию. Преодолеl еще один пролет, придерживаясь за стену. Лестница была узкая и скрипучая, ступеньки из сосны, тридцать сантиметров в ширину, насчитывали почти двести лет – живая история. Когда-то по ним карабкались пьяные пираты.

Эбби приоткрыла глаза, услышав шум. Сомневаюсь, что она вообще спала. Борцы не спят в промежутках между раундами. В открытое окно ворвался ветерок и пронесся по комнате, отчего кожа на ногах у жены покрылась мурашками.

Внизу слышались шаги, поэтому я пересек спальню, затворил дверь и вернулся к постели. Сев рядом с Эбби, укрыл ей ноги одеялом и облокотился на изголовье. Она шепнула:

– Я долго спала?

Я молча пожал плечами.

– Целый день?

– Почти.

С болью мы справлялись при помощи лекарств, но их расслабляющие свойства повергали нас в растерянность. Эбби могла часами лежать без движения, в то время как в ее организме шла битва, за которой я лишь беспомощно наблюдал. По каким-то неведомым нам причинам она порой переживала минуты – иногда даже дни – полнейшей ясности: боль отступала, и Эбби чувствовала себя абсолютно здоровой. Потом, без всякого предупреждения, болезнь возвращалась, и Эбби снова начинала бороться. Вот когда я постиг разницу между усталостью

и изнеможением. От первого можно избавиться при помощи сна, но против второго сон бес-
силен. Эбби принюхалась, уловив легкий запах лосьона после бритья. Я распахнул окно. Эбби
приподняла бровь.

– Он здесь был?

Я смотрел на реку.

– Да.

– И как?..

– Как всегда.

– Уже неплохо. Что на этот раз?

– Он, – я изобразил пальцами в воздухе кавычки, – тебя «забирает».

Эбби села.

– Куда?

Снова кавычки в воздухе.

– «Домой».

Ока покачала головой и глубоко вздохнула, отчего щеки у нее надулись, как у рыбы.

– Он снова переживает то, что было с мамой.

Я пожал плечами.

– И как ты выкрутился?

– Никак. Он победил.

– И?..

– Утром он собирается прислать людей, которые тебя... перевезут.

– Звучит так, будто он собирается вынести мусор. – Эбби указала на телефон: – Дай сюда.

Мне плевать, даже если он в четырех шагах от президентского кресла.

– Милая, я не позволю тебя забрать. – Я сколупнул с подоконника кусочек краски.

Эбби прислушалась к шагам вниз.

– Сиделки сменились?

Я кивнул, наблюдая, как по реке медленно ползет баржа.

– Только не говори, что он и их обработал.

– Ну да. И так запросто. Объяснил, что с ними будет, если не послушаются. Восхити-
тельно, как он всучивает тебе то, что, по его мнению, нужно, и все это якобы в твоих же инте-
ресах. – Я покачал головой. – Сплошные манипуляции.

Эбби зацепилась за меня ногой и приподнялась, точно при помощи рычага, чтобы наши
глаза оказались на одном уровне. Вместо округлых форм – костлявые коленки и лодыжки как
палочки. Кости бедер, некогда напоминавших восхитительный изгиб песочных часов, теперь
выпирали из-под ночной рубашки, которая свободно болталась на плечах. За четыре года кожа
у Эбби сделалась почти прозрачной, словно выцветший на солнце холст. На ключицах она
обвисала, точно платье на вешалке.

Шаги внизу затихли. Эбби посмотрела в пол.

– Они хорошие люди. Делают это каждый день.

Кровать была старая, красного дерева, с четырьмя столбиками и пологом – о такой меч-
тает каждая южанка. Она возвышалась на метр над землей, так что взбираться приходилось по
лесенке – и да хранит Господь того, кто свалится ночью! В ней были два преимущества: во-
первых, тут спала Эбби, а во-вторых, если я ложился на бок, то мог смотреть поверх подокон-
ника и любоваться видом на чарлстонскую гавань.

Эбби смотрела в окно, за которым расстился целый мир. Над водой блестели красные
и зеленые огни. Она взяла меня за руку.

– Как там?..

Я развязал платок у нее на голове, и он упал с плеч.

– Прекрасно.

Эбби перекадилась ко мне, положила голову на грудь и запустила пальцы в расстегнутый ворот рубашки.

– Тебе нужно побывать у психолога.

– Очень смешно. Твой отец только что сказал то же самое. – Я смотрел на реку, машинально касаясь пальцем уха и шеи Эбби. По каналу плыла рыбацья лодка. – Точнее, он твердит это уже четырнадцать лет.

– На этот раз, полагаю, стоит прислушаться.

Кормовой фонарь лодки медленно покачивался, когда она встречала волну, отчего казалось, что лодка летит, не касаясь поверхности.

Глаза у Эбби запали, веки потускнели.

– Пообещай мне кое-что, – прошептала она.

– Я уже обещал.

– Я серьезно.

– Хорошо, но только если это не касается твоего отца.

Она выдернула волосок у меня на груди.

– Эй, их здесь не так уж много!

Пальцы у Эбби длинные. Теперь, когда она похудела, они казались еще длиннее.

– Ты закончил? – Она погладила меня по груди. – А то я вижу еще один.

Такова Эбби. Потеряла тринадцать килограммов, но по-прежнему способна шутить. Я к этому привык. Палец, уставленный мне в лицо, символизировал силу и бодрость духа, а также «Я люблю тебя больше всех на свете».

Эбби почесала мою грудь и кивнула в сторону отцовской фотографии.

– Как считаешь, вы когда-нибудь сумеете поговорить?

Я уставился на снимок. Мы сделали его в прошлом году на Пасху, когда сенатор спускал на воду свое новое приобретение – яхту. Он стоял, держа за горлышко бутылку шампанского, и морской бриз играл с его седыми волосами. В других обстоятельствах он бы, возможно, мне понравился. Не исключено, что и я бы ему понравился.

– Не сомневаюсь, он охотно со мной побеседует.

– Вы похожи сильнее, чем вам кажется.

– Прошу тебя...

– Я серьезно.

Эбби права.

– Он меня раздражает.

– Ну да, меня тоже, но все-таки он мой отец.

Мы лежали в темноте, прислушиваясь к шагам незваных гостей внизу.

– Наверное, – сказал я, глядя в пол, откуда доносились звуки, – можно было придумать название получше, чем «хоспис».

– Зачем?

– Это звучит так... – Я не договорил. Мы оба помолчали.

– Радди звонил?

Я кивнул.

– Все трое?

Я снова кивнул.

– Никаких вариантов?

Я помотал головой.

– А тот тип из Гарварда?

– Мы разговаривали вчера. Они начнут исследования лишь через пару месяцев.

– А Слоун-Кеттеринг?

– Нет.

– А веб-сайт?

Два года назад мы запустили сайт для людей, которые столкнулись с теми же проблемами, что Эбби. Он стал настоящим кладом информации. Мы оттуда многое почерпнули. В частности, познакомились с людьми, которые могли свести нас со специалистами. Отличный ресурс.

– Ничего.

– Скверно.

– Я именно это и хотел сказать.

Мы снова замолчали. Эбби долго рассматривала обгрызенный ноготь, а потом наконец взглянула на меня:

– А Орегон?

Медицинский центр Орегонского университета занимался разработкой новой методики, которая позволила бы бороться с раком на клеточном уровне. Революционное средство. Мы несколько месяцев держали с ними связь и надеялись, что нам позволят поучаствовать в испытаниях. Вчера они наконец установили параметры исследований. Поскольку изначально у Эбби были поражены органы деторождения, она им не подходила.

Я покачал головой.

– А они не могут сделать исключение? Ты спрашивал?

Все, что я мог, это сидеть и ждать. Я держал жену за руку, кормил ее супом, купал, причесывал, но спасения не было. Неважно, сколько сил я прикладывал.

Мне хотелось вернуться в прошлое. Победить рак. Разодрать врага на тысячу кусочков, втоптать в землю, стереть в порошок, навсегда изгнать память о нем с нашей планеты. Но это невозможно. Враг не показывает лица. Трудно убить то, чего не видно.

– Да.

– А доктор Андерсон?

Я не ответил, и Эбби переспросила. Я прошептал:

– Они позвонили и... им нужно еще две-три недели на принятие решения. Эта, как ее... – я щелкнул пальцами, – контрольная комиссия отчего-то не могла собраться. Кто-то из врачей в отпуске...

Я отвел взгляд и покачал головой.

Эбби закатила глаза.

На столике возле кровати лежал сложенный вдвое листок из блокнота. С одной стороны он весь был исписан почерком Эбби. Рядом ждал чистый конверт, придавленный серебристой ручкой вместо пресс-папье.

Эбби долго молчала, любясь гаванью. Потом спросила:

– Когда ты спал в последний раз?

Я пожал плечами.

Она прижалась ко мне, заставив откинуться назад, и опустила голову на мое плечо. Когда я открыл глаза, было три часа утра.

Шепот Эбби нарушил тишину.

– Досс... – Ночнушка съехала с одного плеча. Новое напоминание о том, чего я лишился. – Я долго думала...

По бульжной мостовой перед домом проехала запряженная лошастью повозка.

Я не мстителен. Меня трудно разозлить, и я медленно накаляюсь. Чего-чего, а терпения мне хватает, как и всякому астматiku. Возможно, именно поэтому я был хорошим речным гидом.

Эбби смотрела на газетную вырезку в рамочке на стене, пожелтевшую от солнца.

Это случилось полгода назад. Чарлстонская газета опубликовала несколько историй о местных знаменитостях и их новогодних обещаниях. Редактор решил, что это подхлестнет остальных. Позже позвонили из редакции и попросили разрешения взять у Эбби интервью.

Репортер приехал к нам, и мы сидели на крыльце, наблюдая за отливом. Держа ручку наготове, он ожидал, что Эбби поведает ему нечто фантастическое. Ответы удивили его. Он откинулся назад, перечитал написанное и перевернул страницу.

– Но...

Она склонилась к репортеру, заставив его отодвинуться.

– Вы когда-нибудь видели начало мультика про Джетсонов?

Он удивился:

– Да, конечно.

– Помните, как Джордж и Астро вскакивают на ленту транспортера?

Репортер кивнул.

– Вот на что походила наша жизнь в течение четырех лет. – Эбби постучала по блокноту: – Этот список – моя попытка оборвать поводок.

Он пожал плечами:

– Но здесь нет ничего...

– Необычного? – подхватила Эбби. – Я знаю. В общем, все они абсолютно естественны. В том-то и дело. «Норма» для нас ушла в прошлое. – Она взглянула на меня. – Последние несколько лет заставили меня забыть о необычном. – Она надела солнцезащитные очки. Журналист смотрел на нее не отрываясь. Эбби вздохнула и продолжила: – Сначала ты барахтаешься, пытаешься удержать голову над водой, а потом вдруг понимаешь, что тебе на самом деле дорого. Этот список – мой способ борьбы. Вот и все. Я не собираюсь покорять Эверест, бегать с быками в Памплоне или путешествовать вокруг света на воздушном шаре.

Она села и вытерла слезы. Помолчала. Журналист выглядел взволнованным.

– Я хочу... – Эбби сжала мою руку, – хочу сидеть на пляже, пить коктейль, украшенный маленьким зонтиком, и болтать о том, что у соседей на кухне цвета не гармонируют. – Она ненадолго задумалась. – Еще мне бы хотелось сделать «мертвую петлю» на старом самолете.

Репортер озадаченно уставился на нее:

– Что-что?

Эбби описала широкий круг рукой в воздухе.

– Ну... «мертвую петлю».

– Можно добавить это в список?

– Да, – сказал я.

Эбби называла это не «обещаниями», а «пожеланиями» на грядущий год. Что-то в них затронуло душу читателей. Возможно, простота. Глубочайшая искренность. Не знаю. В течение пяти месяцев Эбби получала множество писем и откликов на сайте. Желая напомнить ей о том, о чем она некогда мечтала и на что надеялась, я вставил статью в рамочку и повесил рядом с кроватью. Единственная проблема была в том, что в начале года нам слишком многое пришлось пережить, и мы не вычеркнули ни единого пункта. Эбби указала на газетную вырезку:

– Дай-ка ее сюда.

Она стерла пыль подолом рубашки, взглянула на свое отражение, отодрала картонку с задней стороны и вытащила газету из-под стекла. Улыбаясь, Эбби перечитала статью и покачала головой.

– Я все еще не разучилась желать...

– Я тоже.

Она снова легла.

– Хочу кое-что подарить тебе. На нашу годовщину.

– Пятью месяцами раньше?

- Удивительно, что ты вообще помнишь дату.
- Мне ничего не нужно.
- Тебе понравится.
- Я ничего не хочу.
- Это именно то, о чем ты думаешь.
- Милая...
- Досс Майклз. – Эбби притянула меня ближе. – Я не собираюсь дарить тебе это здесь.

Ничего подобного.

Она отвела волосы с моего лица и сделала игривую гримаску.

– Ни за что.

Видите? Все годы, что я ее знал, Эбби демонстрировала некую черту характера, которую я никак не мог определить. Слово все время вертелось на кончике языка, и мне не удавалось выпустить его на волю. Но если слова от меня ускользали, то смысл – нет.

Я запротестовал:

- Но...
- Не здесь.

Бесполезно спорить с Эбби, когда она начинает так говорить. Больная или здоровая. Хотя Эбби со мной не соглашалась, но она унаследовала это от отца. Единственным возможным ответом было «да, мэм». Странно, каким образом два слова могут изменить тебя навсегда. Я положил газетную вырезку на одеяло перед ней.

– Выбирай.

Она указала не глядя.

- Проплыть по реке от Мониака. Номер десять. Самый сложный.
- Ты осознаешь, что через два дня наступит первое июня?

Жена кивнула.

– Что это – официальное начало сезона ураганов? – добавил я.

Она снова кивнула.

– И что сейчас свирепствуют москиты размером с птеродактиля?

Эбби закрыла глаза и кивнула с хитрой улыбкой. Я ткнул в сторону дома ее родителей, всего в нескольких кварталах от нас:

– А как же он?

Эбби постучала по листку из блокнота, лежащего на столике у постели.

– Когда он узнает, вызовет национальную гвардию, – усмехнулся я.

– Может быть, и нет. – Эбби села и сосредоточилась. – Ты мог бы поговорить с Гэри. Пусть он что-нибудь мне выпишет. Что-нибудь, чтобы... – Она приложила палец к моим губам. – Эй!

Эбби попыталась заглянуть мне в глаза. У нее кружилась голова. И я подумал, как ей должно быть тяжело. Я обернулся к ней.

– Ты когда-нибудь нарушал данное мне слово?

– Насколько я помню – нет.

Она аккуратно сложила вырезку и сунула в карман моей рубашки.

– Ну так и не начинай.

Оба варианта не годились.

– Эбби, река не место для...

– Но там все началось, – прервала она меня.

– Знаю.

– Тогда увези меня туда, – грустно сказала она.

– Милая, там не будет ничего, кроме боли. Повторить то же самое не получится.

– Уж позволь мне судить. – Она посмотрела на юг.

Я предпринял последнюю попытку.

– Ты ведь знаешь, что сказал Гэри.

Эбби кивнула.

– Досс, я знаю, о чем прошу. – Она похлопала меня по груди. – Все говорят, что мы достигли конца... – Эбби покачала головой и поцеловала меня. – Поэтому давай начнем сначала.

Мы так и сделали.

Глава 2

1 июня, 02.00

В ветровое стекло стучал дождь. Каждые несколько секунд по крыше или по капоту ударила градина размером с мяч для гольфа. Грохот был, как от фейерверка. Я протер стекло ладонью, но толку было мало. Километров за сто до этого тягач, волочивший сломанную гидравлическую трубу, проехал мимо нас по левой полосе и обдал весь перед джипа тормозной жидкостью. Смесь воды с маслом окрасила мир в цвет кока-колы.

Эти земли страдали от засухи. Водоносный слой понизился, и люди повсюду, от Южной Джорджии до Северной Флориды, теперь ограничивали потребление воды. Но мало кто испытывал на себе влияние засухи сильнее, чем река. Она обмелела на два-три метра, и хотя ливень был просто необходим, дождевым водам по большей части не суждено было достигнуть Сент-Мэрис.

В пятидесятых, прежде чем страну во всех направлениях пересекли федеральные шестиполосные шоссе – гарант аккуратности, эффективности и свободы, – их меньшие, двухполосные братья тянулись по американской провинции, стараясь не тревожить старые птицефермы и дубовые рощи. Сплошь уставленная «семейными» мотелями, бензоколонками с полным обслуживанием и дешевыми кафе, «США-1» – аналог шоссе № 66 на восточном побережье – была дорогой жизни для коммивояжеров и отпускников от штата Мэн до Майами. Помимо стоек с бесплатным апельсиновым соком, крокодильих ферм и магазинчиков, набитых залежалыми фруктовыми пирожками и сувенирами, дорога показывала Америку в зените славы.

Чтобы не заснуть, я включил радио. Репортер что-то вещал, и по его микрофону стучал дождь. Журналист вопил, перекрикивая шум ветра: «Четыре недели назад центр тропического давления переместился в южный регион Западной Африки! Затем четыре дня тропический шторм двигался вдоль африканского побережья. Фотографии со спутника, сделанные двадцатого мая, показали сгущение облаков в южном регионе Карибского бассейна. Двадцать третьего мая тропический ураган «Энни», первый в этом году, набрал силу и двинулся на север. В шесть часов утра «Энни» превратилась в тайфун!»

Я выключил радио и уставился на ветровое стекло. Речные гиды обычно неплохо предсказывают погоду. Они вынуждены это делать, такова их работа. Я снова протер стекло. По обеим сторонам дороги возвышались сосны. Нынешний дождь не имел отношения к «Энни». Учитывая местонахождение урагана, он должен был выдохнуться, не добравшись до Флориды.

От Уэйкросса на юг, до самой флоридской границы, тянется торфяное болото площадью почти в 2000 квадратных километров. Оно лежит, точно яйцо всмятку на блюдечке, в естественном углублении, бывшем когда-то, скорее всего, частью морского дна. Когда растения умирают, они падают наземь и разлагаются – в результате выделяются метан и углекислый газ и получается торф. Поскольку разложение – медленный процесс, уходит полвека на то, чтобы торфяной слой на болоте вырос на дюйм. Переплетение стеблей удерживает газ, нагнетая давление и выталкивая наверх острова – они выскакивают как пробки. Когда острова поднимаются, газ высвобождается и светит, точно северное сияние. В начале века очевидцы убеждали простаков в существовании НЛО, организовывали экскурсии и продавали билеты, а потом приехали ученые и доказали обратное. С самого начала торфяные массы – штука ненадежная и зыбкая, все равно что тектонические плиты, только еще более неустойчивая, поэтому индейцы часто называют это место Трясущаяся земля. По-английски это звучит примерно как «Окифеноки».

Поверхность болота кажется девственной. Здесь никто не селится. Практическая выгода заключается в том, что Окифеноки служит сточной трубой для юго-восточной части Джорджии и северо-восточной части Флориды.

Ключевое слово здесь – «сточная». И, как у всякой канализационной ямы, у болота есть некий лимит: то есть сколько можно в него сбросить за определенный отрезок времени. Когда трясина переполняется, избыток выливается в двух направлениях. Наибольший сток, по имени река Сувани, вьется на протяжении трехсот километров по территории Флориды и впадает в Мексиканский залив. Ее младшая сестра, Сент-Мэрис, длиной в двести километров, сначала впадает на юг, к Болдуину, пересекает Макленни, затем сворачивает на север, к Фолкстону, круто поворачивает вправо, на восток, а потом наконец вливается в залив Камберленд и в Атлантический океан.

Из-за чайного окраса Сент-Мэрис называют Черной рекой. Двести лет назад моряки частенько заходили в залив Камберленд и поднимались по течению аж на восемьдесят километров, до Трейдерс-Хилла, пополняя запасы свежей воды, поскольку дубильная кислота делала ее пригодной для питья надолго – на все время трансатлантического перехода.

В период засухи Сент-Мэрис страшно мелеет и может сузиться до полуметра. У истоков, в Мониаке, это всего лишь ручеек. Но достаточно проливного дождя, и река вздувается; вблизи океана ее ширина достигает почти двух километров, а глубина кое-где равна девяти-десяти метрам. Нормальная скорость течения – восемьсот метров в час, а в половодье в несколько раз больше.

Здесь паводки – коварная штука. Вода поднимается без предупреждения. Только что ты спал на берегу, светила луна и на небе не было ни облачка, а через шесть часов просыпаясь и обнаруживаешь, что спальник промок, а в палатке воды на три дюйма. Наводнение здесь не обрушивается на тебя. Оно возникает снизу. Из ниоткуда.

Тот, кто обитает на реке, обычно задается двумя вопросами, прежде чем строить дом, – какова наивысшая точка подъема воды за последние сто лет и можно ли возвести жилище выше этого уровня. Поскольку ни одна страховая компания в здравом уме не станет покрывать ущерб, причиненный Сент-Мэрис, большинство домов здесь стоят на сваях. Даже церкви.

Но невзирая на это, берега усеяны коттеджами, рыбными садками, бассейнами, причалами, веревочными качелями, канатными дорогами, закусочными. Есть даже колония нудистов. Побережье кишит жизнью, точь-в-точь как муравейник. Сент-Мэрис, от устья до истока, – одна из последних девственных территорий на Юге.

* * *

Дождь вынудил меня ползти черепашим шагом, поэтому я съехал с дороги под эстакаду. Эбби лежала на заднем сиденье и дремала. Каждые несколько минут она бормотала что-то неразборчивое.

Лекарства – это самое худшее. Они оставляют человеку лишь исчезающие воспоминания. Эбби долго и отчаянно пыталась держаться, но память, как вода, ускользала меж пальцев.

Я забрался на заднее сиденье и лег рядом с женой. Она свернулась клубочком и прижалась ко мне. Я вытащил из кармана рубашки полиэтиленовый пакетик, в котором лежала пожелтевшая газетная вырезка. Несколько лет назад я научился прибегать к любым средствам, чтобы поддерживать в Эбби надежду, отвлекать ее от болезни. Я знал: если она начнет сосредоточиваться на том, что происходит здесь и сейчас, то быстро выдохнется.

Эбби приоткрыла глаза, улыбнулась и кивнула. Она готова была подыграть.

– Мне бы хотелось... – шепнула она.

Во всем виноваты лекарства. Болевой порог у Эбби достаточно высокий. Она изрядно натренировалась. Ее лицо говорило о том, что сейчас она борется изо всех сил.

Эбби вечно страдала от мигреней. Она буквально все принимала близко к сердцу, и напряжению нужно было куда-то деваться. Возможно, отчасти в этом виноват ее отец. Мигрени быстро возникали и неохотно проходили. Ко времени нашего знакомства Эбби перепробовала с десятков различных препаратов, йогу, иглоукалывание и массаж, но это не приносило ей облегчения.

Когда мы оставались одни, она приставляла мой указательный палец к своему виску. Это значило: «Обведи меня». Начиная от виска, кончиками пальцев я касался ее уха и шеи, спускался к ключицам и груди, потом рукам, запястьям, изгибу бедер, касался коленей, икр и ступней. Часто Эбби засыпала в процессе, а когда просыпалась – мигрени уже не было.

Я повел пальцем по телу жены.

– Номер один.

Эбби сглотнула.

– Покататься на старой карусели.

– Два.

Она говорила с закрытыми глазами.

– Сделать «мертвую петлю» на старом самолете.

Пожелания были напечатаны без определенного порядка. Когда репортер чего-то не понимал, он переспрашивал и Эбби объясняла. Он опубликовал все так, как она сказала, а для пущей ясности снабдил статью авторскими отступлениями.

– Мне нравится, как ты это говоришь. Повтори еще разок.

Эбби облизнула губы. Язык у нее был белый как мел. Она с трудом выговаривала «м».

– «Мертвая петля».

– Дальше.

– Пить вино на пляже.

– Мы еще и полпути не прошли.

Она опустила голову мне на грудь и глубоко вздохнула.

– Номер четыре, – подсказал я. Эбби помедлила.

– Забыла.

Приятно сознавать, что жена еще не утратила чувство юмора.

– Сомневаюсь, – усмехнулся я.

Она тихонько засмеялась. Я потряс перед ней газетой.

– Я жду.

Она изогнула бровь.

– Искupаться нагишом.

– Номер пять.

Жилка у нее на правом виске была синей и набухшей. Голова у Эбби раскалывалась. Она прижала ладонь ко лбу.

– От одного до десяти? – спросил я.

– Да.

Это значило, что боль нестерпимая. Я открыл аптечку. Речные гиды называют такие аптечки «выдрами». Эти штуки водонепроницаемые, они держатся на плаву, и их трудно повредить. Можно запаковать в нее бабушкин фарфоровый сервиз, сбросить коробку с Ниагарского водопада, а потом выловить и отобедать на целехоньких тарелках. Я нашел то, что нужно, снял со шприца предохранительный колпачок, выдавил воздух и сделал Эбби инъекцию дексаметазона. Она даже не вздрогнула. За четыре года я наловчился делать жене уколы лучше, чем медсестры.

Прошло несколько минут. Эбби медленно произнесла:

– Плавать с дельфинами.

– Продолжай. Ты молодец.

- Где мы? – неожиданно задала вопрос Эбби.
- Номер семь.
- Позировать художнику. – Она хихикнула.
- Восемь.
- Эбби говорила, не глядя в список.
- Танцевать с мужем.
- Еще два.
- Смеяться до упаду.
- И последний? – Я изобразил в воздухе пальцами барабанную дробь.
- Проплыть по реке... от самого Мониака.

Она сдвинула мне шляпу на затылок. Эта фетровая штуковина называлась «Банджо Паттерсон» и была сделана в Австралии. Я купил ее лет восемь назад в надежде на то, что она сделает меня похожим на Индиану Джонса. Теперь шляпа выцвела, поля деформировались, а в том месте, где я брался за тулью, мои пальцы протерли дыру. Мне хотелось выглядеть мужественно и неотразимо, а в зеркале отражался типичный деревенщина.

- Ты ведь не собираешься и дальше носить эту дурацкую шляпу?
- Да я потратил целых пять лет, чтобы ее разносить!
- Эбби засмеялась.
- Спору нет, она разносилась.

Список желаний многое говорит о человеке, который его составил. Если он был искренен, это прямой путь к его сердцу.

Со шляпами то же самое.

Глава 3

Многие считали, что этот брак заключен на небесах. А остальные молча завидовали.

Уильям Баркли Колмэн с ранних пор внушал всем уважение. Высокий, красивый, образованный, он по праву привлекал к себе внимание, и даже завистники смотрели на него как на Рокфеллера. Его жизнь соответствовала всем требованиям, предъявляемым к джентльменам. «Цитадель»¹, Гарвардская школа права, летние каникулы в Европе. Этот молодой преуспевающий политик был прирожденным оратором – он стал самым младшим из всех, кто когда-либо избирался в законодательные органы Южной Каролины. И это было только начало.

Элен Виктория Шоу была воспитана на примерах Эмили Пост и Глории Вандербилдт. Чарлстонка в пятом поколении, она училась в Эшли-Холле, а потом – в женском колледже Рэндольф-Макон, и на первом же курсе не менее восьми претендентов просили ее составить им компанию на костюмированном балу в Вашингтоне. На последнем курсе буквально каждый член молодежной организации «Каппа альфа» в радиусе сотни километров пытался пригласить ее на бал, посвященный Конфедерации, а там завистливые перешептывания девушек из колледжей Холлинз, Свит-Брайар и Мэри Болдуин сделали мисс Шоу неофициальной королевой бала.

Она получила диплом, избрав специальностью французский язык и историю искусства, вернулась домой и случайно встретила с Колмэном на балу Ирландского общества.

Ему было двадцать пять, ей только что исполнилось двадцать два. Они, как и положено, встречались десять месяцев, а потом поженились, закатив такую свадьбу, которая преисполнила чарлстонцев завистью и заставила пуститься в бесконечные пересуды. В качестве свадебного подарка Колмэн купил жене «Мерседес» с откидным верхом.

После медового месяца, проведенного частью в Австрии, частью в сафари по Танзании (плюс восхождение на нижние отроги Килиманджаро), они вернулись в Чарлстон, и Колмэн принял участие в борьбе за губернаторское кресло. Полтора года спустя Элен родила дочку, Эбигейл Грейс Элиот Колмэн, чарлстонку в шестом поколении. Во время инаугурации, в январе, Эбигейл Грейс в чепчике улыбалась в ответ на вспышки фотоаппаратов и купалась в лучах всеобщего внимания. Даже тогда она умела поражать сердца.

Потом жизнь сделала резкий поворот.

Эбигейл исполнилось два года, когда Элен заболела. Сначала появились синяки, которые не желали проходить. Анализы подтвердили быстро развивающийся рак яичников. Овдовевший сенатор передал Эбигейл Грейс в руки мисс Оливии, загнал «Мерседес» в гараж, перестал лить слезы и посвятил себя «обществу». Пробыв два срока губернатором, он баллотировался в сенат, где и пребывал до сих пор.

Когда Эбигейл исполнилось десять, сенатор Колмэн женился во второй раз. Кэтрин Хэмптон тоже была истинной чарлстонкой. Она могла проследить свою родословную вплоть до одного из основателей города. Сенатор сделал невозможное: он нашел женщину, способную танцевать на лезвии бритвы. Кэтрин оказалась достаточно сильна для того, чтобы выйти из тени Элен, не очернив ее памяти.

Эбби, выпускница Эшли-Холла, единственная дочь сенатора из Южной Каролины, типичная девушка из высшего общества. За пять минут она проделывала больше изящных жестов, чем я за день. Или за неделю. Когда я спотыкался о выбоину в тротуаре, наступал в собачье дерьмо или проливал горчицу на рубашку, она вытирала губы кружевной салфеткой, подкармливала бездомных кошек и порхала по дорожкам, как Мэри Поппинс. Мы были абсо-

¹ Цитадель – престижное высшее военное учебное заведение, г. Чарлстон. – *Здесь и далее примеч. пер.*

лютно разными. Почему она выбрала меня – до сих пор загадка. Я и сейчас не могу этого понять.

Тогда я учился на первом курсе в чарлстонском колледже. В Рождество я работал в ночную смену в баре отеля «Чарлстон плейс», расположенного у знаменитой парадной лестницы, которая фигурировала в «Унесенных ветром». Подступала полночь, и я дремал у стола, когда в бар вошли четыре девушки, настоящие чарлстонки – походка, одежда, выражение лица. Никакого снобизма – дело в воспитании. Конечно, подобные вещи могут перерасти в снобизм, но на тот момент передо мной предстало идеальное сочетание культуры и шика.

Они заказали капучино и разные сласти. Я заварил кофе, вскипятил молоко, плюхнул в каждую чашку порцию взбитых сливок, но перестарался и забрызгал собственный фартук – можете представить, как я выглядел.

Они шептались и смеялись почти до часу ночи. Обычно, когда я видел подобную компанию девушек, воспринимал их как единое целое. Группа, в которой никто особенно не выделяется.

Кроме нее.

Она походила на Джулию Эндрюс и Грейс Келли – и отличалась от всех, кого я видел прежде, хотя, поверьте, я провел достаточно времени, рассматривая хорошенькие личики. Дело даже не в высоких скулах, красиво очерченных губах, подбородке или носе, а в глазах – и в том, что отражалось в них.

В «Чарлстон плейс» мы видели прорву знаменитостей, от арабских шейхов до голливудских звезд. И поэтому я сразу понял, что эта девушка знаменита и мне знакомо ее лицо. Но я провел на ногах четырнадцать часов, у меня перед глазами все слегка плыло.

Наконец самая смешливая участница компании жестом подозвала меня к столику. Я попытался изобразить идеального официанта – налил им воды и отступил на шаг с полотенцем на руке. Моя знакомая незнакомка изогнула брови и сказала:

– Вы все время на нас смотрите.

В яблочко.

Я пробормотал:

– Я... мы... мы где-нибудь встречались?

– Вряд ли, – негромко отозвалась она. – Но иногда меня с кем-то путают.

Следовало удалиться прежде, чем брякну что-нибудь неподобающее. Я кивнул, тщетно стараясь сдержать ухмылку, вернулся за стойку и в сотый раз ее протер. Девушки оставили деньги на столе и вышли в вестибюль.

Я был уверен, что откуда-то ее знаю.

Когда они вчетвером миновали знаменитую лестницу, моя незнакомка взбежала наверх, прыгая через две ступеньки, а потом оседлала перила и скатилась вниз. Это было настолько же неуместно здесь, как «Макдоналдс» – в Японии. Наблюдая за ней, я видел человека, который берет от жизни все, не позволяя при этом Чарлстону завладеть собой.

Они скрылись за дверью под восхищенное хихиканье портье. Он коснулся шляпы рукой в белой перчатке и сказал:

– Спокойной ночи, мисс Колмэн.

Она похлопала его по плечу:

– Спокойной ночи, мистер Джордж.

Я облокотился о стойку и налил себе содовой за счет клуба. Через несколько секунд Джордж ввалился в бар, хлопнул ладонью по столу и сказал, не глядя на меня:

– Даже не думай о ней.

– А кто...

Он покачал головой и повернулся ко мне спиной.

– Вы живете в разных мирах.

Джордж был прав. Но ведь то же самое со звездами: их свет виден тебе, где бы ты ни был.

Глава 4

1 июня, четыре часа утра

Дождь утих, поэтому я сунул газетную вырезку в карман, вернулся на водительское сиденье и завел мотор. В четыре часа мы вкатили на парковку у «Охотника и рыбака». Это магазин рыболовных принадлежностей, а еще там можно приобрести все, что нужно любому байдарочнику, любителю покататься на водных лыжах и охотнику. Разумеется, еще было закрыто, но я предположил, что Гус не менял замки на воротах и двери склада, поэтому мы обогнули магазин и не стали глушить мотор. Гус, владелец «Охотника» и мой прежний шеф, говорил, что я могу чувствовать себя как дома, если мне вздумается вернуться на Сент-Мэрис. Именно это я и собирался сделать.

Один из самых больших плюсов жизни в провинции – это то, что с годами происходит мало перемен. Гусу никогда не приходило в голову ставить сигнализацию или менять замки, потому что преступления в Сент-Джордже обычно сводились к краже коровы или попытке избежать контроля сельскохозяйственной инспекции. Поэтому я преспокойно открыл ворота старым ключом.

Я вырос в трейлере неподалеку отсюда. С восьмого класса и до отъезда в колледж я работал на Гуса. По приблизительным подсчетам, я проделал больше трех тысяч миль по Сент-Мэрис в каное или на каяке – больше, чем кто-либо в этих краях. Включая Гуса.

Я решил войти как честный человек и постучался. В трейлере включился свет, Гус приотворил дверь. Один глаз у него был закрыт.

– Привет, Досс.

– Привет.

– Погоди секунду.

Сейчас Гусу, наверное, лет пятьдесят. Он тем не менее дал бы фору любому юнцу. Он вышел из трейлера и показался мне еще более загорелым, чем прежде, но улыбка оставалась неизменной. Гус знал меня и мою историю, он первым поставил свою подпись на документах, которые помогли мне окончить школу. Я пожал ему руку.

– Гус, мне надо кое-что купить.

Он взглянул в сторону машины.

– Хочешь поговорить?

Я покачал головой:

– Нет.

– Уверен?

– Да.

– Тогда бери что нужно и чувствуй себя как дома.

Я подошел к джипу задним ходом к двери, а Гус снял замок и открыл склад. Я вытащил два каноэ, одно коричневое, а другое – цвета манго, три весла, два спасательных жилета. Все это мы прикрепили к верхнему багажнику джипа. Гус заметил спящую на заднем сиденье Эбби, но не сказал ни слова. Я прошел по магазину, набивая рюкзак всем, что могло нам понадобиться.

Сунув в переносной холодильник немного еды и консервов, прихватил плитку и несколько маленьких баллонов с пропаном, два больших куска синего брезента, палатку, спиннинг и прочее, что мог унести. Открыв стеклянную витрину, взял водонепроницаемый ручной навигатор. Эти штуки определяют местонахождение со спутника. Я взял его не затем, чтобы знать, где мы находимся, хотя навигатор мог определить место с точностью до трех футов. Я достаточно хорошо помнил реку. Но мне нужно было представлять, сколько мы проплыли и сколько еще осталось. Это поможет планировать привалы и ночевки, искать укрытие. Про-

блема в том, что река есть нечто постоянно меняющееся, даже для человека вроде меня. И, меняясь, она без предупреждения начинает выглядеть иначе. Учитывая влияние прилива, с которым нам предстоит столкнуться у Трейдере-Хилла, будет почти невозможно понимать, сколько мы проплыли и с какой скоростью движемся. Две мили в час составляют огромную разницу. И, наконец, чем сильнее я устаю, а наверняка так и будет, тем меньше способен судить о скорости и расстоянии. Навигатор поможет мне и в этом.

Гус взглянул на мои покупки и выложил на прилавок еще несколько вещей, которые, по его мнению, могли пригодиться.

Он почесал подбородок.

– Идете к заливу?

Я кивнул.

– Ты один?

Я посмотрел в сторону машины и пожал плечами.

Кто-то постучал в дверь. Гус нахмурился и проворчал:

– Сейчас ночь. – Он взглянул через стекло и увидел двоих мужчин, которые стояли в тени. – Закрыто! – крикнул он.

– Непохоже, – отозвался один. Гус улыбнулся.

– Приходите утром. У нас учет.

Второй прижался лицом к стеклу.

– Мы собрались на рыбалку, и нам кое-что нужно. Не поможет?

Гус взглянул на экран компьютера, где кружился какой-то алый хаос – ураган «Энни». Потом взглянул на меня.

– Если бы они знали, что делают, тогда самое время – барометр падает, и все такое. Но мне отчего-то кажется, эти типы ни хрена не смыслят в рыбалке. – Он пожал плечами. – Простите, парни. Я всего лишь тут работаю. Удачи.

Гус развернулся и зашагал в кабинет. Один из мужчин сделал ему вслед непристойный жест, а второй захромал к машине. Когда он открыл дверь и полез на переднее сиденье, мне показалось, что в салоне сидят еще двое. Начинался сезон ураганов, поэтому не было ничего удивительного в том, что четверо идиотов решили попытать счастья.

Машина выехала с дорожки, и Гус показался из кабинета. Он кое-что выложил на прилавок. Гус не поклонник оружия, но он долго прожил на реке. Гус всегда был реалистом, и я последовал его примеру.

– На тот случай, если встретите там не только змей...

«Смит-вессон», модель 22–4, револьвер с неподвижным прицелом, заряженный пулями 45-го калибра. И «ремингтон» с 45-миллиметровым стволом. Объяснений не требовалось. Я забрал оба пистолета и несколько коробок с патронами.

– Спасибо.

На стене кабинета висела картина, которую я нарисовал почти десять лет назад. Это был рождественский подарок – своего рода благодарность. Перспектива представляла с точки зрения человека, который высунул голову из воды и осматривается. Гус на картине сидел в каяке с веслом в руках и улыбался. На реке он был дома. Как и я. «Лучики» на щеках намекали, что Гусу здесь хорошо. Картина называлась «Радость».

Гус кивком указал на портрет:

– Меня все время об этом спрашивают. И просят продать.

– И что ты говоришь?

– Что пока не продам.

– И много предлагают?

– Достаточно, чтобы купить новенький «Форд».

– Ну так продай.

Он уставился на портрет.

– Нет. Пожалуй, я его еще подержу.

Я сунул пистолет за ремень, погрузил все в багажник джипа и напоследок прошелся по магазину. На домашней странице компьютера Гуса отражались данные местного погодного радара. Он сделал это, чтобы наблюдать за рекой – ради клиентов и тех, кто брал напрокат снаряжение. Радар следил за регионом от болота Окифеноки до залива Камберленд. Внизу экрана, словно тикерная лента на бирже, бежали двузначные цифры, обозначающие уровень воды. Данные приходили с автоматических сенсоров, расположенных вдоль всей реки на протяжении двухсот километров. Передо мной была полная картина состояния реки.

Гус указал на экран:

– Если ураган повернет к нам, здесь все поменяется.

– Помню.

Над прилавком висели водонепроницаемые чехлы для карт. Речные гиды пользуются ими, чтобы карта не намокала, – до тех пор, пока не научатся помнить реку наизусть. Это случается уже после нескольких сезонов на Сент-Мэрис. Карта была нужна мне еще меньше, чем чехол для нее, но все-таки я взял то и другое. Карта будет подтверждать показания навигатора, и наоборот. Я вытащил из кармана пакет с газетной вырезкой, сунул его в чехол с картой и надежно закрыл.

Погрузив все в машину, я обернулся к Гусу. Он заслужил объяснение.

– Как у тебя дела?

– Ну лично я бы предпочел сейчас быть где-нибудь в районе Флорида-Кис, где мобильная связь отсутствует по факту, но... – он жестом обвел магазин, – дела сами собой не делаются.

– Продай картину. Купи лодку. Устрой себе отпуск.

Он кивнул:

– Может быть, когда-нибудь. Уверен, что не хочешь поговорить?

– Врачи отослали нас домой. – Я снял со стены уключину и принялся рассматривать узел. – Что бы ты ни услышал на той неделе... это, возможно, будет лишь половина правды.

Я выдернул из блокнота листок, перечислил все, что взял в магазине, и написал внизу номер своей кредитки.

– Будет лучше для меня, если ты подождешь недельку, прежде чем получить по счету.

– Тебе нужны деньги? – поинтересовался Гус.

– Нет. Просто ты наверняка привлечешь внимание, а я не хочу, чтобы они знали, где я.

– У тебя проблемы?

– Не то, о чем ты думаешь. По крайней мере, пока.

Гус сложил список и сунул в карман:

– Обналичу через месяц.

– Спасибо, Гус.

Я сел в машину и пристегнулся. Гус прислонился к дверце и посмотрел в сторону шоссе.

– Я тут недавно думал о твоей матери...

– Правда?

– Она была замечательная женщина. Я рассказывал тебе, что однажды сделал ей предложение?

Я со смехом покачал головой:

– Нет.

– Она сказала, что уже замужем и это не пройдет. И потом, я ей слишком нравился. Она сказала, что я пойду на попятный, как только узнаю ее поближе. – Гус помолчал. – Думаю, с тобой она не промахнулась.

– Мама делала все что могла.

Гус использовал свою парковку в качестве пристани для тех, кто брал у него лодки напрокат. Снабдив клиента спасательным жилетом, веслом и каяком, мы обычно спускали лодку на воду неподалеку от парковки. Короткая дорожка, ведущая к реке, – и все. Там достаточно глубоко, чтобы плыть, но при этом не слишком – если каяк переворачивался, гребец мог встать на ноги. Гус уставился на воду.

– Она любила эту реку. Думала, в ней есть нечто особенное.

– Да.

Гус положил мне руку на плечо.

– И она была права.

– Хотя некоторые скажут, что это всего лишь трещина в земной коре, где находит себе последнее пристанище всякое барахло.

Гус сунул руки в карманы.

– Это лишь один взгляд.

– У тебя другое мнение?

– Да. И ты меня скоро поймешь. Река напомнит тебе об этом лучше, чем я. – Гус покачал головой. – Она никогда не меняется. Река может сменить русло, но при этом остается той же самой. Это мы меняемся. Мы приходим к ней, став другими. А река неизменна.

– Когда я был маленьким, мама говорила, что в этой реке живет Бог. Я часто лежал на берегу и ждал, когда же он покажется.

– И что бы ты сделал?

Я засмеялся.

– Я бы взял его за глотку и тряс до тех пор, пока он не ответил бы на мои вопросы.

– Будь осторожнее в своих желаниях.

Ветерок зашелестел в верхушках деревьев и принес с собой прохладу.

– Гус, прости, что я приехал вот так...

Он принялся ковыряться соломинкой в зубах.

– Река меня многому научила. Наверное, поэтому я не хочу уезжать. Она вьется, петляет, змеится. Не проходит дважды по одному месту. Но заканчивается там же, где и всегда.

– И что это значит?

– Что главное – это плыть.

Глава 5

Характерная особенность провинции – невежество. Провинциалы не глупы и уж точно не идиоты. Мы гордимся собственным здравым смыслом, среди нас попадаются люди с высшим образованием, но есть вещи, о которых нам известно весьма немного, и это, судя по всему, происходит от горделивого нежелания задавать вопросы или от нежелания знать. Не беспокойтесь, этот недуг поражает не только провинциалов. Просто в Нью-Йорке он называется иначе.

Для меня в юности такой вещью была живопись. Большинство моих друзей считали, что живопись – это предмет, которому тебя учат, или то, что творишь ты сам, когда при помощи баллончика выводишь на водокачке имя своей подружки. Не то чтобы мы не ценили человеческие достижения. Ценили и ценим. Скорее нам неприятны были высокопарные разговоры, связанные с искусством. У нас не было времени на подобные глупости. Мы просто видели красоту в разных ее проявлениях, а потом обсуждали увиденное на своем языке.

Поэтому, когда остальные поняли, на что я способен при помощи карандаша и кисти, они немедленно прозвали меня Пикассо, хотя понятия не имели, кто он такой и почему я на него похож. Людям просто нравилось это имя, и оно возвышало их в собственных глазах. Я-то кое в чем разбирался и не хотел иметь ничего общего с Пикассо. Возможно, я действительно «видел» иначе. Наверное, рыбы так же рассуждают о воде. Пока не вытащишь их на берег, они полагают, что дышать жабрами – абсолютно естественно.

Пока мама была жива, она часто водила меня в библиотеку – два-три раза в неделю. Там стоял кондиционер, курить не позволялось, вход бесплатный и открыто допоздна. Мы часами рассматривали альбомы по искусству и обсуждали то, что нам нравилось или, наоборот, не нравилось. В наших разговорах было мало возвышенного. Мы просто говорили: «Мне нравится его улыбка», или «Мне нравится этот цвет», или «Это смешно».

Потом я понял, что на самом деле мы имели в виду: «Эта картина о чем-то мне говорит». Такова функция искусства. Оно заговаривает с нами, и мы слышим этот зов, если знаем его язык и умеем слушать.

Мы изучали античное искусство и гадали, что стряслось в эпоху Средневековья. Я почти ничего не знал, но понимал, что цивилизация откатилась назад – если судить по картинам. Мама раскрывала передо мной художественный альбом, клала на стол чистый листок бумаги, и я рисовал то, что видел.

Я никогда не пытался осмыслить мир искусства целиком. Я брал лишь то, что хотел. То, в чем нуждался. Цель была одна. В отличие от художников, которые могут безболезненно варьировать формы, темы и стили, я так делать не мог. И сейчас не могу. Поэтому сосредоточился на том, что у меня получалось. На портретах. В частности, на выражении эмоций. Визиты в библиотеку научили меня, что эмоции видны в развороте плеч, подъеме подбородка, переплетении пальцев, глубине вдоха, скрещении ног, отражении света в глазах.

Если словами мне было трудно выразить то, что крылось в душе, мои руки изначально знали, что делать. Когда я подходил ближе и видел, как это делают старые мастера, то инстинктивно многое понимал. Это трудно объяснить.

Большинство моих рисунков было просто мазней. Но бывали и исключения. Я рисовал от бессилия, от отчаяния, от бедности. Я был худ как щепка. Но я кое-чему научился. Тому, что пригодилось впоследствии. Я узнал, что павшие и сломленные создают великое искусство.

Когда я стал старше, то понял, что меня влечет реализм, а не идеализм. Мне не нравился экспрессионизм, который усиливал воздействие образов на зрителя при помощи искажения или, напротив, чрезмерного упрощения. Мне не нравились модернизм, кубизм и сюрреализм. Пикассо не оказал на меня влияния. Возможно, однажды и окажет, но до сих пор этого не произошло.

Я хотел соприкоснуться со зрителем. Достичь глубин. Без всяких фокусов. Показать ему то, что есть на самом деле. Ловкость рук меня не интересовала.

В старшей школе равных мне не было. Школьный консультант отправил несколько моих работ на окружную выставку, и случайно они привлекли внимание какого-то профессора. Так я получил грант на обучение в чарлстонском колледже. Тогда у меня открылись глаза. Я решил изучать живопись и историю искусства. Я намеревался оттачивать технику, а еще интересовался жизнью великих художников. Не только «как», но и «почему». Техника без знания причин немногого стоит. Причина – это контекст. С нуля никто не творит.

Я читал биографии художников и изучал их жизнь наравне с их творениями. Большинство вели мучительное, жалкое существование. Я никогда не мог понять, почему лучшие художники получают из самых загнанных людей. Снова и снова великое искусство возникало посреди страданий. Его создавали чудачки, обитающие на задворках, – их не волновало то, чем живет общество, и оно платило им таким же равнодушием. Разумеется, бывали исключения, но весьма немногие.

Большинство стояли одной ногой в нашем мире, а другой – в собственном. Богатые филантропы находили эти таланты и вытаскивали их на свет божий. К счастью, для меня роль филантропов сыграли добрые люди в чарлстонском колледже, наполовину оплатившие курс обучения. Вторую половину я наскребал при помощи чаевых и займов.

Мое чарлстонское жилище представляло собой однокомнатную студию с чердаком, где я спал. Вода в душе чаще была холодной, чем горячей, на чердаке бродили портовые крысы, а на стене в ванной я вел список самых крупных тараканов. Пленников держал в пустой пластмассовой коробочке. Я давал им имена, точно ураганам, в алфавитном порядке, и дважды успел дойти до конца. Самым крупным был Мерлин. После поимки он прожил целых двадцать семь дней. Впрочем, не считая этого, у меня была уютная и чистая квартирка – идеальное место для работы. Сами понимаете какой.

Она находилась в помещении двухэтажного магазинчика на Кинг-стрит, и витрина тянулась на всю ширину студии. Полвека назад кто-то построил дом на поросшем травой пятачке между двумя соседними зданиями и продал его дантисту. Тот установил свое кресло прямо у окна, чтобы прохожие могли наблюдать за его работой. Но пациенты не желали выставлять себя на обозрение всей Кинг-стрит, поэтому дантист продал дом печатнику, который, проработав здесь тридцать лет, разорился с появлением Интернета и сдал его мне. Я надеялся, что столь выгодная планировка поспособствует продаже картин. Так или иначе, я выставил в витрине три картины, которые считал самыми лучшими, прислонив их прямо к стеклу. Не слишком привлекательно, но я уже три недели питался исключительно китайской лапшой и не мог позволить себе мольберт. Я всерьез помышлял о том, чтобы стащить пару мольбертов из колледжа, но в глубине души подозревал, что проблема не в этом. Даже на Рождество я не продал ни одной картины.

Примерно раз в месяц, иногда чаще, обычно вечером, возле витрины останавливалась женщина. Высокая, в платке или бейсболке, джинсах, рубашке с длинными рукавами, в больших круглых солнцезащитных очках в пол-лица. Однажды она простояла на улице целый час, прислонившись к стеклу и рассматривая мои картины, а потом попыталась разглядеть те, что висели в глубине. Несколько раз я жестом предлагал гостье войти, но она разворачивалась и исчезала. С тех пор я просто махал в знак приветствия. Однажды она помахала в ответ. Я решил, что ей нравится вот так стоять и смотреть, поэтому не мешал.

Я, как идиот, записался на утренние лекции, полагая, что таким образом у меня освободится весь вечер для работы и занятий живописью. Преимущественно для последнего. Если я не работал в баре, то торчал в студии, перепачканный краской и углем, либо отправлялся на пробежку по набережной.

Выкинув много лет назад все свои лекарства от астмы, я сделал то, что, по мнению врачей, было невозможно. Я разработал легкие. Лучше сказать – растянул. Это меня спасло, и теперь я находился в относительно хорошей форме. Ушли в прошлое кашель и обмороки. Взамен я получил то, что называется постнагрузочным бронхоспазмом. Если я подвергаю легкие серьезному испытанию, предварительно не разогревшись должным образом, они съеживаются, отчего давление еще нарастает, и так далее. Цепная реакция. Если прибавить к этому сухой, холодный воздух, то я – труп. Но дайте мне размяться и свыкнуться с мыслью о том, что моим легким предстоит поглотить значительный объем кислорода, и они будут работать как следует. Теплый сырой воздух действует на них как смазка. Обожаю бегать под летним дождем. Иногда даже могу бежать довольно долго, сохраняя приличную скорость. Порой часами. Конечно, я не устанавливаю рекордов, но спортивный кайф мне знаком.

Обычно, заканчивая смену в баре, я прихватывал с собой пару пакетиков чая – так, как делают постояльцы в отеле, когда, выписываясь из номера, забирают флакончик с жидким мылом. Дома их может скопиться сотня, но все равно ты возьмешь еще парочку, потому что вдруг они тебе понадобятся. В моем случае кофеин помогал бороться с голодом. В баре смотрели сквозь пальцы, если официанты доедали остатки еды на кухне.

Однажды, закончив смену, я поужинал французским супом, несколькими кусками курятины и целой буханкой хлеба. Я наелся впервые за несколько дней, вышел на Кинг-стрит и отчего-то решил свернуть к рынку, а оттуда пройти в парк на набережной. Ночь была ясная, мне захотелось подышать свежим воздухом и посмотреть на огни Форт-Самтера.

Я брел вперед и ругал себя за неспособность продать хоть что-то, отдаленно напоминающее искусство. Меня мучило от китайской лапши. По правде говоря, я упивался жалостью к себе, а такое лучше проделывать в одиночку. Мне не доставало спиртного, но я не мог позволить себе такую роскошь.

Я вошел в парк и зашагал в обход фонтана к одному из четырех гранитных постаментов у воды. Некогда их воздвигли, чтобы в будущем поместить на них статуи. Сейчас они походили на миниатюрные посадочные площадки, которые возвышались над землей на три фута и были обведены полукруглой гранитной стенкой. Местные называли это место «пещерой эха»: если встать в центре ровно в полдень и что-нибудь сказать, то услышишь отзвук собственного голоса, причем довольно громкий.

Я запрыгнул на один из постаментов и услышал металлический лязг, а потом – сдавленный крик и какое-то рычание. Я всмотрелся в темноту и сначала ничего не увидел, а затем разглядел на дорожке очертания мужской фигуры. Он наклонялся над чем-то или кем-то и заносил руку, будто для удара. Я отнюдь не герой, но в следующее мгновение уже летел к нему по траве. Я скатился с гранитной стенки и в прыжке ударил его в плечо. Он был огромен. Плечистый, бородатый, вонючий, как помойная яма. Вдобавок от него несло перегаром. Я столкнулся с ним грудью и почувствовал себя человеком, которого сшиб грузовик. Тот, кто лежал на дорожке, немедленно отполз в сторону. Запах духов подсказал мне, что это – женщина либо гомик. Я вскинул обе руки.

– Подождите, сэр...

Громила расхохотался, бросился вперед, как кошка, схватил меня за горло и отшвырнул, словно тряпичную куклу. Он был похож на того типа из «Зеленой мили», только еще хуже. Я вскочил. За моей спиной кто-то плакал и цеплялся за меня дрожащими пальцами. Тогда я снова ощутил запах духов.

Я полез в карман и вытащил шестьдесят семь долларов – мелкими купюрами. Он усмехнулся и схватил деньги одной рукой, а второй еще крепче сжал мне горло. Я потянулся в задний карман и протянул ему бумажник, в котором лежали водительские права, студенческий билет и две заблокированные кредитки. Впрочем, об этом он все равно не знал. Громила схватил бумажник и запихнул в карман. К сожалению, ни то ни другое не заставило его разжать руку

и не изменило намерений по отношению к девушке. Он оттолкнул меня (точнее, нас обоих) к гранитной стенке и крепко врезал по зубам. Мир вокруг завертелся, свет уличных фонарей померк, потом загорелся снова. Когда перед глазами перестало плыть, я увидел, что он сидит на девушке верхом и держит ее одной рукой за шею, а второй задирает блузку. Ситуация переменялась к худшему, поэтому я решил испытать последнее, что оставалось. Я вытащил и протянул ему карманные часы, которые носил с тех пор, как мне отдал их дядя на маминых похоронах. Громила увидел перед собой золотую вещицу и поднес ее к уху.

– Возьмите. Это ваше. Все что угодно... только, пожалуйста, отпустите девушку.

Она отчаянно сопротивлялась, но он был втрое крупнее. Я предпринял последнюю попытку:

– Сэр... пожалуйста. Ей больно.

Этот тип сунул часы в карман, врезал мне и начал стаскивать с нее джинсы, одновременно расстегивая собственные штаны. Он тянул девушку за волосы, угрожая переломить ей шею, как веточку. Та судорожно кашляла и, видимо, задыхалась. Я вспрыгнул громиле на спину, ударил каблуками и ткнул его указательными пальцами в глаза. Он схватился за лицо и зарычал – то, что я сделал, и впрямь болезненно. А потом он повернулся ко мне.

С одной стороны, он оставил в покое девушку, та вскочила и побежала. С другой стороны, он упустил жертву и остался с глазу на глаз со мной. Его лицо чудовищно исказилось, в углах рта выступила пена, и тут я, кажется, выкрикнул такие слова, какие ни за что не решился бы повторить в присутствии матери.

Вы, наверное, видели фильмы, где хулиганистые подростки в надежде внушить новичку почтение перед школьным братством засовывают парня в огромную сушилку в общественной прачечной и хохочут, пока бедолагу вертит центрифуга. В течение следующей минуты примерно так я себя и чувствовал. Он вдавил меня в бетон, подбил оба глаза, рассек губу, сломал нос, а потом поднял над головой, точно борец на ринге, и перебросил через ограждение. Я пролетел несколько метров и плюхнулся в болото, спугнув синего краба, который пожирал дохлую кефаль.

Громила, прищурившись, наблюдал за тем, как я по пояс в грязи барахтаюсь среди осоки и тины, которая воняла хуже сточной канавы. Потом ухмыльнулся, подтянул штаны, развернулся и зашагал прочь. Видимо, он не умел плавать. Минут двадцать я хлюпал по болоту, стараясь не дышать. Когда он скрылся из виду, я добрался до ограждения, вылез и побрел домой. Еще через двадцать минут я запер дверь, отправился в душ и подсчитал стоимость визита в больницу. Поскольку страховки у меня не было, сумма оказалась внушительной. С гудящей головой я проглотил четыре таблетки аспирина и посмотрел в зеркало. Нос у меня торчал вбок и напоминал согнутый гвоздь. Я зажал его двумя пальцами, резко дернул – и очнулся на следующее утро на полу студии в чем мать родила.

С трудом разомкнув щелочки, некогда бывшие глазами, я посмотрел в сторону витрины (я лежал в двух шагах от нее) и встретился взглядом с несколькими десятками зевак, которые стояли в три ряда и пялились вовсе не на картины. Благодаря лампочкам над моими работами я был прекрасно освещен.

Я вскарабкался по лестнице, рухнул на постель и проснулся за полдень с кровавой коркой на лице. Страдая от мучительной мигрени, на входной двери я обнаружил записку: «Если тебя интересует возможность приватной, но профессиональной фотосессии, позвони по этому телефону. У меня частная студия. Филипп».

Я выбросил записку в мусорное ведро, проглотил еще несколько таблеток и позвонил своему однокурснику в надежде узнать новости. Джеймс Петтигрю, смысленный уличный парнишка из Детройта, писал стихи в промежутках между занятием скульптурой. Когда я позвонил, он торчал в Интернете и не жаждал со мной болтать. Жуя резинку, он сразу спросил:

– Слышал, что было вчера?

– Нет.

– Дочка сенатора Колмэна одна возвращалась домой. На набережной к ней пристал какой-то пьяный бегемот и попытался лишиться невинности, но тут вмешался таинственный незнакомец и спутал ему все карты. Копы сцапали парня, который вроде как подходит под описание преступника. С собой у него было немного наличных и карманные часы – опять-таки, по словам девушки, все правильно. Личность неизвестного героя пока не установлена. Утром сенатор устроил пресс-конференцию прямо на ступенях Капитолия, а потом полетел домой. Он буквально только что прибыл в Чарлстон.

– С его дочерью все в порядке?

– Учитывая, что мужик ростом в шесть футов десять дюймов несколько раз врезал девушке, которая входит в сотню первых красавиц Америки, рекламирует косметику самых крупных фирм и постоянно мелькает на обложках наиболее популярных журналов... как считаешь?

Сцены вчерашнего вечера мелькали перед моими глазами, но подробности от меня ускользали.

– Досс, ты с Луны свалился? Эбби Элиот – это псевдоним Эбби Колмэн.

Я так и знал, что где-то ее уже видел.

Я повесил трубку, взял в баре отгул по болезни и повесил на дверь студии табличку «Закррито». Часы и бумажник можно забрать и позже, когда боль утихнет.

Не считая финансовых проблем, я страдал от отсутствия «темы». Через два месяца надлежало сдать дипломную работу, а я еще даже не выбрал сюжет. Большинство студентов давным-давно взялись за дело. Таким образом, в Чарлстоне было хорошо известно, что натурщики получают почасовую оплату. Для меня это тоже представляло определенную трудность.

Ситуацию усугубляла необходимость писать в стиле ню. Чтобы получить диплом, каждый выпускник должен был представить портфолио из двенадцати работ – предположительно самых лучших, в том числе рисунок обнаженной натуры. Некоторые мои однокашники вели себя так, будто в этом видели единственную цель занятий живописью: они украсили свои двери табличками вроде «Ищу обнаженную натуру для дипломного портфолио». Чтобы придать происходящему чуть более официальный и законный вид, они снимали шикарную студию, вешали в качестве задника простыню на проволоке, устанавливали свет, включали музыку и покупали бутылку вина. Каждый «сеанс» продолжался два-три часа и включал в себя обмен многозначительными взглядами и светский разговор.

Другие же студенты старались извлечь из ситуации максимум выгоды, поскольку для них это был единственный шанс заполучить девушку, готовую раздеться. На подобные «сеансы» приходили девицы двух типов. К первому типу относились отчаянные первокурсницы, расстроившиеся с семьей, – они расправляли крылья и горели желанием попробовать нечто новенькое. Такие обычно появлялись с подружкой, смешливые и слегка навеселе. Второй тип девиц – многоопытные студентки старших курсов. Они приходили поодиночке, злые на своих парней и полные решимости найти свой путь в жизни. Разумеется, в обоих случаях речи о настоящих красавицах не шло.

Таким образом, проблема заключалась не только в том, чтобы найти натуру, но и в том, чтобы найти правильную натуру. А я не представлял себе, как посторонний человек войдет сюда и снимет одежду. То есть кем надо быть для этого? Какая женщина способна заявиться к незнакомцу, предстать перед ним в костюме Евы и стоять спокойно, пока он будет обшаривать ее глазами? Конечно, предполагается, что художник сосредоточен на предмете изображения и изучает форму, но в том-то и беда: я еще не встречал женщины, которую можно свести исключительно к «форме». Форму нельзя отделить от содержания.

За всю историю человечества никто не научился плавать на суше. Рано или поздно приходится зайти в воду. Так вот, в живописи погружение происходит не в тот момент, когда ты

берешь кисть или карандаш. Этот процесс начинается в твоём сердце, а рука лишь следует за ним. Вы, я, любой художник – никто не в силах взять красоту как таковую и перенести ее на холст или передать в камне. Профессора меня не понимали. Они думали, что искусство начинается в руке, а оттуда переходит в сердце. Они все поставили с ног на голову. Искусство изливается наружу, а не внутрь. Если ты пуст, результатов будет немного. Вот чем дело.

Все, что нам предъявляли в колледже, как будто пропускалось через некий фильтр – мы сидели, чесали в затылке и «думали» об искусстве. Мы использовали этот фильтр, чтобы свести шедевр к комбинации мазков, оттенков и теней. Ну и чушь. А как же «О! Это прекрасно!»? Я вовсе не умаляю необходимость оттачивать мастерство. Но мне неприятна сама мысль о том, что совершенствовать технику надлежит путем зубрежки. С этим недугом я боролся с тех пор, как впервые взял в руки кисть.

Конечно, высокопарные рассуждения мне мало помогали. Особенно в том, что касалось обнаженной натуры. Увильнуть было невозможно. Профессора считали, что я возражаю исключительно от нежелания трудиться. Поэтому я пригласил их в студию, и у них глаза полезли на лоб. Моя рабочая этика была безупречна. К восемнадцати годам я написал больше картин, чем некоторые из них за всю жизнь, и доказал тем самым, что моя мать была лучшим учителем на свете. Я пришел в колледж, уже зная большую часть того, чему они собирались меня учить. И все же они понятия не имели, о чем я говорю. Я был идеалистом? Да. Но, увидев количество работ, которое я неустанно пополнял, профессора перестали ставить под сомнение мои работоспособность и технику. Для меня техника не была самоцелью. Цель крылась сама в себе. И никто меня не понимал. Большинство моих наставников были поражены недугом, но даже не подозревали об этом. А главное, они не знали, что заражны.

Невзирая на пылкие разглагольствования и благородное негодование, мне все-таки нужен был диплом, а профессора могли помешать. Если бы не память о матери, я бы посоветовал им засунуть этот диплом в одно место.

К слову, об обнаженной натуре. Отстаивая собственную точку зрения, я искал, во-первых, правильное лицо, а во-вторых, правильную фигуру. Вот что мне было нужно. Лицо. Фигура. Желательно вместе. Я всегда подозревал, что Бог создал некоторое количество идеальных людей – нужно лишь отыскать одного из них и сделать так, чтобы он сидел не двигаясь, пока я не преодолею свою неловкость и не запечатаю его на холсте.

По правде говоря, мне было страшно. Я боялся, что человек, который будет позировать, увидит меня насквозь. Он поймет, что я беспомощен и унижен. И тогда он встанет, подойдет к мольберту, посмотрит на картину – то есть на самого себя – и высмеет мои усилия. В справочниках по психологии это называется «страхом потерпеть неудачу». Когда речь заходила о живописи, в частности об обнаженной натуре, я цепенел.

Безнадежно.

Глава 6

1 июня, пять часов утра

Мы распрощались с Гусом и миновали Сент-Джордж, направляясь к Мониаку. В Сент-Джордже есть железнодорожный переезд, начальная школа, заправка, ресторан, перекресток и почта. Я остановился у светофора и почесал затылок, пытаясь вспомнить, где тут почта, когда вдруг послышался звук низко летящего маленького самолета. Он пронесся прямо надо мной, и я подумал: «Что за псих летает в такую погоду?» Я готов был поклясться, что услышал пение. Огни на крыльях вращались, лучи устремлялись то в небо, то на землю. Примерно в сотне метрах впереди меня самолет выровнялся и приземлился. У него были желтые крылья, ярко-синий фюзеляж и открытая кабина, как рисуют в компьютерных играх. Он пересек шоссе, словно машина, и остановился на перекрестке. Пилот помахал мне, снял очки и вкатил на автозаправку. Он выключил мотор, сунул в щель аппарата кредитку и принялся качать топливо. Закончив, пилот выбросил из кабины градину, ткнул пальцем вверх и крикнул:

– Там черт знает что творится! Дома буду не скоро. Не сможешь?

Я подошел к самолету, и он попросил:

– Ну-ка толкни.

Я навалился на крыло. К моему удивлению, самолет покатился вперед. Пилот кивнул:

– Эта штучка легкая.

Он надел очки, сказал «спасибо» и окинул взглядом машину, в которой спала Эбби. Потом завел мотор и поехал по шоссе, как будто сидел за рулем «Кадилака» воскресным утром. Проехав примерно милю, самолет взмыл в небо, и два синих огня на крыльях исчезли в темноте.

Эбби хотела, чтоб ее отец знал, где мы, но не желала ему звонить. Она решила, что лучший выход – письмо: получит сенатор необходимую информацию, и при этом нельзя будет отследить наше местонахождение. Эбби лизнула конверт, сунула внутрь листок из блокнота, который прежде лежал на столике возле кровати, и протянула мне. Я уже приклеивал марку, когда до меня дошло. Нам нужно выиграть время. Проблема в том, что почта работает хорошо, а значит, сенатор получит письмо через пару дней. Мне же хотелось, чтобы он получил его на следующей неделе, примерно в пятницу. Я обернулся к Эбби:

– Ты не против, если он ничего не узнает еще несколько дней?

Она покачала головой и с трудом улыбнулась:

– Ради бога.

Я вернулся к почтовому ящику и переписал адреса. То есть адресовал письмо себе, а в качестве обратного указал адрес сенатора. Потом отодрал марку и бросил письмо в ящик. Без этой штучки стоимостью сорок один цент оно пролежит несколько дней на почте; сотрудники будут швырять его туда-сюда, сердиться, что на нем нет марки, и измышлять кару, точнее – месть, для отправителя. Потом письмо неизбежно вернут. Из чистого сострадания к бедной заблудшей душе на нем поставят ярко-красный штамп «Невозможно отослать» и отправят по адресу, указанному в левом верхнем углу. Именно этого я и добивался. Когда отец Эбби получит письмо, он поймет, что мы выиграли немного времени. Он неглуп. Он сообразит, что я его переиграл, и проклянет меня за скупость, помешавшую купить марку. Впрочем, среди пороков, которые он мне приписывает, скупость не занимает первую строку хит-парада.

Через двадцать минут мы выкатили на шоссе и отправились на запад, к Мониаку – географической точке, которая отсутствует на большинстве карт.

Мониак называют поселком, потому что нелепо называть его городом. Он расположен к югу от болота Окифеноки: сорок километров от Фарго и тридцать – от Сент-Джорджа. Иными словами, на краю света. Там есть магазин, мост и сухой орешник. Если будет попутный ветер,

хороший бейсболист может зашвырнуть мяч с одного конца Мониака на другой. Местные жители предпочитают рацию мобильнику.

Путешественники, как правило, минуют Мониак, даже не зная, что они здесь побывали. Главная местная достопримечательность – мост. Под ним начинается Сент-Мэрис – там, где она вытекает из болота Окифеноки. Большинство байдарочников скажут, что река здесь непроходима почти пятьдесят километров – до тех пор, пока не свернет у Стокбриджа и не направится на север. Но, пропустив этот отрезок, вы лишитесь чего-то очень важного. Все равно что родить не младенца, а сразу подростка. Вы, наверное, будете рады, что миновали стадию подгузников и бессонных ночей, но все-таки многое упустите.

Мы пересекли мост, развернулись и по узкой дорожке съехали вниз. Берег был усеян обгоревшими поленьями, окурками и битыми бутылками. Земля под мостом выглядела как в фильме ужасов. Когда строители закончили работу, они просто свалили остатки бетона и арматуры в реку. Между бетонными глыбами размером с «Бьюик» плавали пивные банки и бутылки из-под колы и торчали полузатопленные стволы кедров.

А за ними начиналась Сент-Мэрис.

Вы когда-нибудь видели бары эпохи 1970-х годов – те, что показывают в фильмах про Остина Пауэрса, где в дверном проеме висят длинные нити бисера? Чтобы войти, нужно сначала просунуть руки между ними и развести нити, а потом проскользнуть, не зацепившись плечами. Примерно так попадают и в реку. Дубы метров шести в высоту, переплетенные виноградными лозами и испанским мхом, в котором кишмя кишат красные жучки, свешиваются над рекой, создавая почти непроницаемый полог. Исключения – воздух и лучики света. На берегу стоят скрюченные деревья, отгораживая тебя от воды, будто барьером, а в промежутках торчат колючие кусты пальметто.

Сент-Мэрис защищает себя и тех, кто с ней.

Река течет на юг через поваленные деревья, бобровые плотины и пни. В Мониаке ее можно преодолеть одним прыжком, и в глубину она редко достигает пары футов.

Я свернул под эстакаду, оставил машину внизу – вне поля зрения вертолетчиков – и разгрузился. Дождь перестал, выглянуло солнце, и туман с поверхности воды стал исчезать. Но долго это не продлилось, и к тому моменту, когда я понес Эбби в каноэ, ливень начался опять.

Я шагнул в воду и тут же поскользнулся на камне, встряхнув Эбби, словно тряпичную куклу. Эта ловушка подстерегала меня, сколько бы раз я ни заходил в реку. Я уложил жену на дно лодки, подстелив ей спальник. При помощи шестов для палатки, брезента и нейлонового шнура соорудил импровизированный навес, натянув его до середины каноэ. Ноги у Эбби, возможно, намокнут, зато голова будет приподнята; брезент заслонит ее от дождя, и я смогу за ней наблюдать. Я сменил фентаниловый пластырь – теперь Эбби обеспечена лекарством еще на семьдесят два часа. Этот пластырь похож на те, какими пользуются люди, желающие бросить курить. Он водонепроницаемый, так что Эбби могла принимать с ним душ и даже плавать. Пластырь содержал препарат, который помогал ей бороться с болью. Я называл его «базовым» – если боль усиливалась, требовалось средство помощнее. Пока я стоял и смотрел на дождь, по моей ступне прополз паук-сенокосец. Немногие об этом знают, но это один из самых ядовитых пауков на свете. Единственная проблема в том, что рот у него слишком маленький, чтобы укусить человека.

Я погрузил во второе каноэ все, что лежало в багажнике джипа, и накрыл поклажу брезентом. Потом в последний раз вернулся к машине и захватил аптечку. Не считая Эбби, это была самая ценная вещь в лодке.

Сомневаюсь, что Гэри был рад меня видеть, когда я постучал к нему посреди ночи. Он вышел заспанный и в халате.

– С Эбби все в порядке?

Пока он готовил кофе, я объяснил, в чем дело.

– Вы ненормальные.

Он написал три рецепта и вручил мне. Я покачал головой:

– Гэри, я не смогу получить эти лекарства.

– Почему?

– Потому что аптекарь будет три часа выяснять у тебя по телефону, действительно ли ты имел в виду то, что написал. К тому времени до сенатора дойдут слухи, и мы не выберемся из Чарлстона. Разве у тебя нет этого лекарства в офисе?

– Да, но я не могу выдать такую дозу наркотического средства без присутствия третьего лица. Подожди несколько часов.

– Не могу.

– Досс, есть веская причина, по которой закон требует от нас держать этот препарат под замком. Это вопрос контроля. – Он побренчал ключами. – Ключ у меня. А комбинацию замка на сейфе знает менеджер.

– Ну же, Гэри.

– Ни за что. Если придет проверка, я потеряю лицензию.

– Тогда скажи мне.

– Что?

– Комбинацию замка.

Он сделал глубокий вдох.

– Я иду спать.

Гэри положил ключи на стол и остановился на пороге кухни.

– Первый ящик в левом шкафу. Написано карандашом на левой стенке. Задом наперед, так что читай справа налево. И не смотри в камеру, у нас круглосуточное видеонаблюдение. А лучше натяни что-нибудь на голову.

Он вышел, а я схватил ключи и направился в офис. Отыскав комбинацию, списал ее задом наперед и со второй попытки открыл сейф.

Я порылся в сейфе, нашел то, что нужно, сунул лекарства в пакет и уже собирался уходить, когда обнаружил упаковку «Актика» – это болеутоляющее в форме леденцов на палочке со вкусом малины. Их прописывают детям и старикам, которым нужно быстроедействующее и легкоусвояемое лекарство, чтобы бороться с болью. В последние несколько месяцев эти леденцы стали любимым лакомством Эбби. Я не смотрел в камеру, но поскольку не выключил свет и не стал натягивать на голову чулок, опознать меня было несложно. Взятые мной препараты были мощнейшим средством против боли, и в случае поимки мне была гарантирована тюрьма.

Я вернулся к Гэри, отдал ему ключи, и он принялся рыться в моей сумке, а потом заговорил тоном профессионала:

– Теперь слушай внимательно, это важно. У тебя шесть шприцев с дексаметазоном, два с допамином и достаточно фентаниловых пластырей, чтобы продержаться месяц. Инъекция дексаметазона уменьшит отек, подарит Эбби несколько часов ясности и вернет ее почти в нормальное состояние. Если опухоль чересчур увеличится и мозг снова окажется в тисках, выходов будет два. Если у Эбби повысится давление, ты ничего не сможешь сделать. Зато, возможно, она перестанет страдать. Если давление понизится, ей будет трудно дышать и не исключено шоковое состояние. Допамин препятствует этому, повышая сердечный ритм. Проще говоря, дексаметазон – это атомная бомба для ее надпочечников. Делать ей инъекцию – все равно что подливать в бензобак реактивное топливо. Мотор отлично работает, хотя не исключено, что в какой-то момент его разнесет на части. Альпинисты, которые восходят на Эверест и Килиманджаро, пользуются этим препаратом, чтобы избежать отека легких. Если у тебя когда-нибудь был настолько сильный насморк, что ты не мог дышать и прыскал себе в нос «Африн», ты поймешь, как действует эта штука.

Он сделал паузу.

– Допамин и дексаметазон прекрасно работают по отдельности, но если использовать их вместе, могут начаться проблемы. Они нейтрализуют друг друга. Применять то и другое – все равно что балансировать на лезвии.

Гэри прав. Эбби так долго употребляла разные препараты, что сделалась нечувствительна к ним. То есть ей требовалась большая доза лекарства, чтобы достичь должного эффекта. Ничего страшного, если бы боль не усиливалась. Но поскольку боль все возрастала, наша способность бороться с ней постепенно снижалась. Гэри сложил руки на груди.

– Как лечащий врач Эбби я обязан тебя предупредить. Если применять его долго, дексаметазон вызывает язву желудка, внутренние кровоизлияния, сердечную недостаточность, обезвоживание и глаукому. Не считая этого, все в порядке.

Я пожал плечами:

– Сомневаюсь, что мы будем применять его долго.

Он сунул руки в карманы и посмотрел в сторону улицы.

– И еще...

– Что?

– Ты не увидишь приближение конца. Точнее, сначала услышишь, а потом увидишь. И тогда начинай обратный отсчет. Проблема в том, что у этой пороховой бочки не видно фитиля. – Он указал на сумку. – Дексаметазон... одна инъекция снимет боль, две вырубят ее на целый день, а три... ну...

Я понял, что он пытается сказать.

– Спасибо, Гэри.

– Если хочешь что-нибудь сказать, не тяни.

– Закрой глаза.

– Что?

– Просто закрой глаза. У меня для тебя подарок.

Он послушался, и я изо всех сил треснул его в левый глаз. Гэри грохнулся на пол.

– Зачем ты это сделал?!

Я помог ему встать.

– Тебе придется что-нибудь соврать, когда будешь рассказывать эту историю менеджеру. – Я указал на опухший глаз. – Теперь у тебя есть доказательство.

– Надо было меня предупредить!

– Прости. – Я протянул ему «Актик». – Возьми, это снимет боль.

– Очень смешно.

Я спустился с крыльца.

– Досс, ты понимаешь, что творишь?

Я пожал плечами:

– Не совсем. Просто знаю, что не могу здесь оставаться.

Он покачал головой:

– Не завидую тебе.

– Увидимся, Гэри. Прости, что ударил.

– И еще кое-что...

– Что?

– Сейчас в медицинском сообществе как раз обсуждается вопрос о том, что есть предельная доза наркотического вещества. Все эти разговоры об эвтаназии... Мы постоянно спрашиваем себя, в какой именно момент врачи перешли черту и вместо того, чтобы бороться с болью, стали тихо отправлять пациентов на тот свет. Ты меня понимаешь?

Я кивнул.

– Поскольку на Эбби лекарства почти не действуют, ей потребуются большие дозы. Если... если ты дашь ей то, в чем она нуждается... в итоге тебя обвинят... Короче говоря, учитывая то, что лежит в твоей сумке, и то, что будет плавать в крови Эбби, ты окажешься за решеткой до конца жизни.

– Спасибо, Гэри.

Я привязал аптечку к сиденью. Потерять можно было что угодно, кроме нее. И, наверное, пистолета. Я шагнул в лодку, погрузил конец весла в воду и оттолкнулся. В кармане зазвонил мобильник. На экране высветилось слово «сэр». Я этого ожидал, поэтому сунул телефон обратно в карман и перестал обращать на него внимание. Когда мы с Эбби только поженились, я ухитрился избегать надзора. Через несколько минут мобильник зазвонил опять.

Эбби шепнула из-под брезента:

– Лучше ответь. Сам знаешь, он терпеть не может, когда его заставляют ждать.

Когда телефон зазвонил в четвертый раз, я ответил. Тесть заговорил со мной таким тоном, каким обычно обращался к членам сената, сидящим в другом конце зала. Этот голос часто слышали по Си-эн-эн.

– Где Эбигейл Грейс?

Длинные имена – норма в Чарлстоне. Большинство представителей высшего общества носят как минимум два имени. Это наследство золотых дней Скарлетт О’Хара и не самое тактичное напоминание о том, что твой собеседник принадлежит к благородному сословию. Когда сенатор привез Эбби в Эшли-Холл, он настоял, чтобы его дочь называли полным именем – дабы возвысить ее над «массой» и выделить из толпы соучениц. Колмэн, один из самых молодых губернаторов в истории США, не сомневался, что по его приказу все запрыгают, поэтому окружил себя соответствующими людьми. Но Эбби, девочка с косичками, ни о чем полезном не задумывалась. Она не работала на сенатора. И у нее не было иных желаний, кроме как быть его дочерью. Эбби плевать хотела на титулы. И тогда началась война.

С самого начала они жили в постоянном напряжении. На публике, разумеется, все приличия соблюдались. Эбби уступила отцу в этом. Таков Чарлстон – нужно сохранять лицо. Но стоило лишь прислушаться к тому, как она произносит «папа», чтобы все понять.

Когда я познакомился с Эбби, она оказалась не такой, как я ожидал. Да, она была дочерью сенатора, рожденной в роскоши и воспитанной в Эшли-Холле, в стенах которого до сих пор эхом звучали голоса чернокожей прислуги. «Я в Чарлстоне рождена и в Чарлстоне выросла, и когда умру, то сделаю это по-чарлстонски». Но при этом Эбби чувствовала себя свободно и на пляже в бикини и рваных шортах, и на балу Ирландского общества в жемчугах и длинных белых перчатках. Как ни странно, она гармонично вписывалась в эти два мира.

Мисс Оливия, которая меняла ей подгузники и занималась воспитанием, пока сенатор был поглощен предвыборной гонкой, рассказывала, что в первом классе Эбигейл Грейс Элиот Колмэн топнула ножкой и спросила: «Почему нельзя говорить «Эбби»?» По мере того как накалялась ситуация, она урезала свое имя. С третьего по шестой классы она называла себя «Эбби Грейс». Стильно и в то же время прилично. Также это перекликалось с заглавной ролью в мюзикле «Энни», которую она играла в театре на Док-стрит.

В средней школе, когда началась ее карьера фотомодели, благодаря чему Эбби оказалась в национальных каталогах одежды и замелькала в местной рекламе, имя пережило очередное сокращение и превратилось в Эбби Джи. Отец пришел в ярость, но теоретически имен по-прежнему было два, а потом, Эбби Джи использовалось лишь в неформальной обстановке, то есть не при нем. Он решил, что дочь вырастет и поумнеет.

Когда она училась в старшей школе, ей звонили молодые люди, питавшие надежду пригласить дочь сенатора на выпускной бал, и звали к телефону Эбби. Отец в ответ клал трубку на рычаг. Как бы то ни было, шестнадцатилетняя Эбби пошла дальше и, чтобы позлить отца, приняла предложения двух крупнейших производителей купальников в стране. После фото-

сессии она отправилась в Нью-Йорк, где вместе со своим агентом (адвокатом, которого послал с ней отец) встретилась с директорами косметических и парфюмерных компаний, ведущими спортивных телеканалов, а также представителями известной фирмы нижнего белья.

Когда дочь училась в выпускном классе, сенатор обнаружил, что учителя обращаются к ней – Эбби. Потом стало еще хуже. Однажды утром в воскресенье, после двух чашек кофе и булочки из отрубей, сенатор листал спортивный журнал и наткнулся на фотографию дочери в купальнике. Журнал полетел в помойное ведро.

Эбби окончила школу, и отец сделал ей подарок в знак перемирия. Он выкатил из гаража «Мерседес» и торжественно вручил Эбби ключи. Но прекращение огня было временным. Выступая с речью на церемонии выпуска, сенатор Колмэн, как ему казалось, поставил точку: он произнес полное имя Эбби тоном, который намекал на то, что блудная дочь восстановлена в правах и возвращена в отчий дом. Примерно так говорят о любимых лошадях. Но хорошо смеется тот, кто смеется последним. Год спустя Эбби Элиот снова взбунтовалась, покинула колледж и подписала эксклюзивный контракт в Нью-Йорке. Ее рабочее расписание включало поездки в Европу и на Дальний Восток. К девятнадцати годам она то и дело ездила в Лондон и Нью-Йорк, и ее глянцевая фотография смотрела на сенатора со стола в кабинете дантиста. Эбби создала себе профессиональное имя, никак не связанное с отцом, и этот удар сенатор не смог отразить.

Она сама сделала себе имя. Весьма в духе Эбби.

Глубокий вздох.

– Она здесь.

– Где?!

Когда нужно, сенатор обходился без обиняков.

– Сэр, я не могу вам этого сказать.

– Не можешь или не хочешь?

Видите?

Пауза.

– Не хочу.

– Сынок... – Он нервно рассмеялся. Сенатору не нравилось, когда ситуацию контролировал кто-то другой. Теперь, когда он был председателем финансового комитета, подобное положение вещей нравилось ему еще меньше. – Стоит мне шевельнуть пальцем, и каждый полицейский в Джорджии и обеих Каролинах будет разыскивать мою дочь. И даже не сомневайся, что я вызову национальную гвардию.

– Эбби об этом упомянула.

– Ты сомневаешься, что я это сделаю?

– Сэр, я не сомневаюсь, что вы любите вашу дочь. Но... я был вынужден...

– Парень, ты спятил. Ты привезешь ее назад немедленно или...

– Сэр, отчасти мне очень хочется это сделать, но... при всем к вам уважении, вы не знаете...

– Не смей говорить, что я чего-то не знаю! – заорал он.

Тогда как на публике сенатор представал при галстукке, в частной жизни ему скорее подобрали джинсы и кастет. Когда он терял терпение, в углах рта у него появлялась пена – чем громче он говорил, тем сильнее плевался, словно брызгал ядом.

– Вы не убежите далеко. Прячьтесь, если хотите, но я вас найду... и ты сгниешь в тюрьме.

Видимо, вы уже догадались, что у нас с тестем были непростые отношения. Хотя он меня презирал, я всегда им восхищался. Даже голосовал за него. Он начал с нуля и добился многого. И потом, добиться избрания – одно, а удержаться на посту – совсем другое. Колмэну это удалось. Четырежды избранный сенатор, он ни разу не проиграл выборы. У него были обширные

связи в Вашингтоне. Но власть – это благословение и проклятие. Полагаю, в другой жизни, будь он добродушным фермером из Южной Каролины с соломинкой в зубах, мы бы отлично ладили.

Я сглотнул и посмотрел на воду и на бледное лицо Эбби под брезентом. Сенатор терпеть не мог мыслей о смерти по одной простой причине. Смерть была ему неподвластна. И окружающие то и дело напоминали ему об этом. Тот факт, что дочь не выказывала признаков страха, был его ахиллесовой пятой. Мне всегда казалось странным, что такой могущественный человек может быть столь легко сражен.

Мы почти не виделись несколько лет, но это не значит, что сенатор нам не помогал. Он помогал. Устраивал нас туда, куда мы никогда не попали бы собственными силами, и продвигал в обход очереди. Если мы не могли лететь первым классом, он присылал персональный самолет. Он помогал издали, потому что сближение было чересчур болезненно. За исключением единственного раза. Тогда-то я и понял, что сенатор действительно любит дочь. Эбби тоже это знала, но легче ей от этого не становилось.

Нужно было закругляться, прежде чем он успеет отследить звонок при помощи спутника. Поскольку сенатор председательствовал сразу в нескольких комитетах, среди которых были и вооруженные силы, меня, возможно, уже окружали.

– Сэр, мне очень жаль. Прошу у вас прощения, но... – я заговорил мягче, – это все ради Эбби.

– Она должна быть здесь. С нами.

– При всем уважении, сэр... у вас было четыре года. И никуда бы мы не делись. Если вы хотели быть с ней, то могли сделать это когда угодно.

– И что это значит?

Я буквально ощущал его гнев. Сенатор не привык к дискуссиям, которые могли окончиться не в его пользу, и не собирался такое терпеть. Я никогда ему не противоречил, поэтому наши разговоры были короткими. Обычно начинал и заканчивал их он сам, с той минуты, когда я попросил у него разрешения жениться на Эбби. Всего лишь еще один короткий разговор.

– Сэр, я не ожидал, что вы меня поймете.

– Ты ненормальный! – вопил он. – Ты неудачник, который никогда бы ничего не достиг, если бы не Эбби!

– Согласен, сэр, но...

– Что?!

Я взглянул на Эбби.

– Пожалуйста, поймите...

Сенатор начал говорить что-то еще, но я закрыл телефон и швырнул в реку. Вода его поглотила. На поверхность выскочили крошечные пузырьки.

Я вернулся на место, взялся за весло и в который раз попытался найти то единственное слово, каким можно обозначить характер жены. Наверное, после четырнадцати лет брака я мог бы придумать что-нибудь еще, кроме «милая». Согласен, это никуда не годится.

Я постукал по пакетику с газетной вырезкой.

– Ты выбрала самое сложное.

– И я собираюсь исполнить не одно свое желание.

– Не сомневаюсь. Значит, лучше нам взяться за дело, – улыбнулся я.

– Ну да.

– Ты отдыхай, а я буду грести.

Эбби улыбнулась.

– Так и должно быть.

Я погрузил весло в воду, сильнее оттолкнулся, и каноэ скользнуло в реку. В двухстах километрах впереди лежал океан – час езды на машине или неделя в лодке.

У нас отняли все. Профессиональная жизнь Эбби, ее красота, приятная мягкость груди, соблазнительные формы, доверчивая улыбка – все это внешнее, без чего мы могли обойтись. А как насчет того, что внутри? Ее неистребимая любовь к жизни и ко мне, способность по-детски надеяться, необыкновенные мечты... Эбби превратилась в тень прежней себя. Хилая оболочка, похожая на призрак. Оставалось только ждать.

Я не мудрец. И не делаю вид, что у меня все рассчитано. Но одно знаю наверняка: некоторые правильно живут, другие красиво умирают, но не многие любят вечно. Почему? Не знаю. Все мы живем и все умираем, другого выбора нет, но между жизнью и смертью есть кое-что еще... Любить вечно. Это выбор, который человек делает снова и снова. Не важно, что ты выбираешь. Но, по-моему, если выбрал, то уж будь готов ко всему.

Я не оглядывался назад и не заглядывал вперед. Я посмотрел на Эбби, погрузил весло в воду и оттолкнулся.

Глава 7

Я проснулся голодный, с опухшим лицом, один глаз совершенно закрылся. Губа вздулась и казалась огромной. Пронизывающая боль в грудной клетке намекала на то, что у меня либо сломано ребро, либо очень сильный ушиб.

Я вскипятил воду, чтобы сварить лапшу, и услышал стук в дверь. Я натянул джинсы поверх семейных трусов и пошел открывать.

На пороге стояла она.

Я замер, точно загнанный олень.

Эбби огляделась, а потом, не дожидаясь приглашения, шагнула мимо меня в студию. На ней были джинсы, свитер и бейсбольная кепка. Она выглядела как голливудская звезда, которая делает покупки в супермаркете, надеясь остаться неузнанной. Я высунул голову за порог, оглядел улицу, потом посмотрел на девушку. Она жестом приказала закрыть дверь и отодвинулась к стене, чтобы выйти из круга света.

Сунув руки в карманы, она оглядывалась, рассматривая то небольшое, что достойно внимания. Когда она посмотрела на меня, в глазах у нее стояли слезы.

– Я даже не успела вас поблагодарить. Просто убежала и... – Эбби вытерла лицо рукавом.

– Хотите чаю?

Она улыбнулась.

– Да.

Что-что, а чая у меня много. Я полез в ящик, набитый чайными пакетиками, и гостя рассмеялась:

– Вы так любите чай?

Я пожал плечами:

– Э-э... просто ворую на работе. Пару пакетиков в день. Иногда три. Это проще, чем воровать кофе.

Она снова засмеялась. Я заварил две чашки чаю и указал ей на стул в углу. Поскольку стола у меня не было, я обычно ел, разложив припасы на коленях. Она села, а я прислонился к стене, намотав ниточку от пакетика на палец. Девушка пила чай и рассматривала мои рисунки, которые стояли и висели по всей студии.

– А вы времени даром не теряете.

Я поднял с пола грязную футболку, вывернул ее и надел, а потом осознал свою ошибку. На прошлой неделе у меня закончился дезодорант, и с тех пор я носил эту самую футболку. Я сказал: «Сейчас вернусь», после чего заковылял наверх, переоделся, вымыл подмышки, побрызгался дешевым одеколоном, вернулся вниз и снова принялся полоскать чайный пакетик в кипятке. Она сказала:

– Вы кое-что забыли.

Я опустил глаза и обнаружил, что у меня расстегнута ширинка. Пока я возился с молнией, Эбби поставила кружку и начала разглядывать картины. Она медленно рассматривала каждую из них. Я сидел молча. Перед третьим или четвертым портретом она остановилась.

– А где портрет негритянки?

– Что?

Она указала в глубь помещения:

– Там всегда висел портрет негритянки. Той самой, что сидит на старом рынке и плетет корзинки.

Однажды, в самом начале первого курса, я брел по рынку и увидел эту женщину. Ей было за семьдесят. Она сидела, прислонившись к кирпичной стене, и у ее ног стояли сотни корзиночек. Беззубая, с узловатыми руками, в грязном платье, старой шляпе, с соломинкой во

рту... и все-таки в ее глазах что-то было. Я спросил разрешения и провел на рынке неделю – каждый вечер в течение часа, когда солнце скрывалось за деревьями.

Эбби сказала:

– Буквально все рисуют афроамериканцев. – Она пожала плечами. – Это легкая добыча. Но вы сделали то, чего не удавалось другим. Даже в Нью-Йорке. Вы передали взгляд. У мисс Рейчел, – она коснулась рамы одной из моих работ, повернутых лицом к стене, – самые добрые и красивые глаза на свете.

– Вы ее знаете?

Она посмотрела на меня:

– Я ведь здесь выросла.

Я смутился и почесал в затылке. Эта картина никогда не стояла на витрине.

– Но где вы видели этот портрет?

Она скрестила руки на груди и кивнула в сторону окна.

– Мы не знакомы, но время от времени я подглядывала. Смотрела, что у вас новенького.

Над чем вы работаете. – Девушка сняла солнцезащитные очки, и я впервые увидел ее лицо.

– Так это вы торчали за стеклом?

Эбби кивнула.

– Почему же вы ни разу не зашли? Я не кусаюсь.

Она пожала плечами:

– Иногда приятно остаться неузнанной.

Еще минут двадцать Эбби рассматривала мои картины. Она смотрела, а я чувствовал себя так, будто меня голым выставили на всеобщее обозрение.

Наконец она обернулась ко мне:

– Когда вы заканчиваете учебу?

– Теоретически летом.

– У вас проблемы?

– Ну... в общем, нет.

Она разгадала причины моего колебания и подошла ближе.

– У нас рождественская вечеринка. Мы их каждый год устраиваем. Я буду рада, если... если вы придете.

– Что? То есть... – Я старался говорить так, будто подобные вещи мне не в новинку. –

Ну да. Конечно.

– В субботу. В семь. Я пришлю водителя.

Водителя?!

– Ладно. Конечно. – Я ткнул в сторону улицы: – Машину я оставляю там, за углом. Чтоб не загоразживала вид.

Она в последний раз окинула взглядом студию и задержалась на единственной фотографии.

13 июня 1948 года Ната Фейна послали на стадион «Янки». Штатный фотограф заболел. Нат, тридцатитрехлетний уроженец Манхэттена, обычно поставлял интересные жанровые снимки для «Нью-Йорк геральд трибюн» – так, однажды он сфотографировал кладбище с указателем одностороннего движения на переднем плане. Но 13 июня все было по-другому. Это была 25-я годовщина знаменитого стадиона в Бронксе, и зрители собрались, чтобы проводить на покой знаменитого «третьего номера». Малыша Рута. Стадион был его домом, и все пришли на него посмотреть. Малышу стукнуло пятьдесят три года, он был величайшим бейсболистом в истории, но последние два года преимущественно провел в больницах. Спортивные комментаторы по взаимному уговору не произносили слово «рак», но когда Нат увидел Малыша в раздевалке, тот был так слаб, что не мог сам завязать шнурки. Ему помогал санитар. Нат с грустью наблюдал за ним. Малыш, исхудавший, в висящей мешком форме, накинул на плечи

пальто и отправился на скамью. Когда назвали его имя, стадион взорвался. Малыш сбросил пальто, взял биту и, опираясь на нее, зашагал на свое место. Там он левой рукой снял кепку и постоял так, окидывая взглядом стадион. Фотографы снимали его спереди, расположившись между первой и третьей линиями. Они фотографировали одно из самых популярных лиц в истории бейсбола. Все, кроме Ната.

Нат видел это лицо и хорошо его помнил. Оттуда, где он стоял, видно было только место «третьего номера» на поле. Тогда как другие фотографы снимали со вспышкой, Нат использовал естественное освещение. Он снимал почти с самой земли, так что центром фотографии стали плечи Малыша и кусочек трибуны.

В итоге получилось одно из самых знаменитых фото в истории спорта.

На следующий день оно появилось на первой странице «Геральд трибюн», потом его перехватило «Ассошиэйтед Пресс», и оно замелькало в газетах по всей стране. Через два месяца Малыш Рут умер. А в 1949 году Нат Фейн получил за этот снимок Пулитцеровскую премию.

Эбби указала на фотографию:

– Она здесь как будто не к месту...

Я покачал головой:

– Нет.

Она явно была заинтригована.

– Почему?

– Посмотрите на нее хорошенько. Теперь закройте глаза.

Эбби взглянула на меня.

– Закройте глаза.

Она подчинилась.

– Скажите, что вы видите.

– Его лицо.

– Вот именно. Хотя на фотографии его нет.

Я подошел к стене и выдвинул большой холст. Портрет Малыша.

– Ого. – Она с минуту разглядывала его. – А вы показывали это своим преподавателям?

Я покачал головой.

– Ну так покажите.

Я вернул картину на место.

– Я... короче говоря, я рисую портреты. По крайней мере пытаюсь.

Она уставилась на меня. Ей явно не хотелось уходить.

– Почему?

Я пожал плечами:

– Потому что они говорят без слов.

Эбби кивнула.

– Мне, к сожалению, пора. Наверное, он беспокоится. Прodelал такой путь, а меня нет дома.

– Кто такой «он»?

– Папа. – Она взглянула на часы. – Значит, в семь?

Я посмотрел на свое пустое запястье.

– Конечно.

Она засмеялась.

– Спасибо за чай.

– Чая у меня хватает. А если закончится, я всегда могу наворовать еще.

Эбби натянула козырек кепки на глаза и заговорила тише:

– И... спасибо за вчерашнее.

Я поставил кружку.

– Всякий бы сделал то же самое.

– Да? – Она покачала головой. – Один тип с биноклем наблюдал за нами через окно. А второй шел мимо и притворялся, будто ничего не видит.

– Откуда вы знаете?

– Было трудно не заметить. Я лежала на спине.

Я сунул руки в карманы, изображая Джеймса Дина.

– В следующий раз выберите кого-нибудь покрупнее. Вы ведь трудностей не боитесь?

– Вы всегда шутите, когда с вами пытаются говорить серьезно?

Долгая пауза.

– Я снял эту студию почти год назад в надежде на то, что смогу продать свои работы. – Я обвел комнату жестом. – И пока еще не продал ни одной. Юмор помогает мне... Это занавес, за которым я прячусь, чтобы люди вроде вас не догадались, что король-то голый.

Эбби прикусила губу.

– Судя по тому, что болтают в городе, вы действительно любите щеголять нагишом.

– Это новая рекламная кампания, чтобы привлечь клиентов.

– Жаль, что никто к вам так и не зашел.

– Запрещенный удар.

Она пересекла комнату, взяла портрет мисс Рейчел и водрузила его на витрину.

– У каждой картины должно быть название. Это поможет людям сориентироваться. Точнее, покупателям. – Эбби ненадолго задумалась и указала на мисс Рейчел: – «Довольная жизнью». Потому что так оно и есть.

Девушка сняла с одной из картин пыльный ярлычок с надписью «\$300» и повесила его на портрет мисс Рейчел. Потом осторожно подставила впереди единичку и отступила на шаг, покусывая ноготь. Она наклонила голову набок, задумалась, а потом исправила 3 на 8.

– Люди в наших краях хотят видеть, что приобретают нечто ценное. Если вы не цените свои работы, разве они будут это делать? В Нью-Йорке с вами бы поторговались, но здесь... – Эбби широким жестом указала на пешеходов за окном. – Здесь люди просто покупают – если, конечно, не торчат у витрины.

Она опустила козырек кепки и исчезла за углом, так и не сказав мне своего имени.

Глава 8

Я выровнял лодку и принялся грести, когда из-под брезента послышался приглушенный голос:

– Эй, да ты отлично справляешься. Ты ведь уже это проделывал?

– Ну да, пару раз.

Эбби легла на бок.

– И похоже, у тебя неплохо получалось.

Она улыбалась и явно испытывала прилив адреналина от сочетания фентанила с «Актиком». Я греб, стоя на коленях, по моему лицу катился пот.

– Во всяком случае, мне никогда особенно не нравился Чарлстон.

Она закатила глаза.

– Еще не поздно повернуть назад.

Эбби покачала головой.

– Я с тобой.

Я потрогал ее ноги: несмотря на жару, они были холодными.

– Как ты себя чувствуешь?

Эбби неловко заерзала.

– Не лучше.

– Голова болит?

Она кивнула и попыталась улыбнуться. Однажды Эбби сказала, что ее мигрени похожи на бесконечное катание на «американских горках», когда вдобавок сосед стучает тебя локтем по голове.

Привязанное буксирным тросом второе каноэ плыло позади, выделявая на воде зигзаги. Древние дубы на берегу, изогнутые и скрюченные, простирали ветви над водой, образуя полог, который наводил на мысли о затерянных землях и призраке Оцеолы. Из воды торчали пни кипарисов, поперек реки лежали сухие стволы – мостики для животных и ловушка для рыб. Здесь, у истока, где Сент-Мэрис достигала не больше пяти метров в ширину, тащить каноэ волоком было неизбежно. Глубина не превышала тридцати сантиметров, так что каждые несколько минут я вылезал, перетаскивал обе лодки через бревно или через отмель, запрыгивал обратно и отталкивался, чтобы снова вылезти и начать все сначала. Потом я впрягся в самодельную упряжь и три часа шагал вдоль берега по щиколотку в воде.

В отличие от западных рек, которые пробивают каньоны в скалах, берега Сент-Мэрис меняются после каждого дождя, поэтому трудно обозначить ее точные границы. Сегодня река достигает трех метров ширины, но пройдет дождь, и она за сутки разольется до пятидесяти-шестидесяти метров, чтобы на следующий день сократиться до трех или, наоборот, расшириться до семидесяти. Тот, кто покупает или строит здесь дом, в первую очередь хочет удостовериться, что его жилище находится вне досягаемости паводка.

Вытекая из болота, река минует Мониак, а затем, если верить карте, течет к шоссе № 121, до которого двадцать километров. Но это неправда. Тот, кто составлял эту карту, наверняка был пьян. Не двадцать, а сорок километров. Плыть по Сент-Мэрис – нелегкий труд, и в то же время в этих местах есть что-то прекрасное, загадочное, даже доисторическое. Упустить это – значит лишиться очень важного знания о реке. И Эбби меня понимала. Именно поэтому она сказала: «По реке от Мониака». Если посмотреть с вертолета, река круто сворачивает влево, то есть на восток, и тянется через северную оконечность Макленни. Затем поворачивает на север и делает крюк к Фолкстону, причем петляет так, что вместо одной мили проделываешь две. Возле Фолкстона – поворот вправо, а потом, зигзагами, на восток, к побережью. Напрямик

от болота до океана – чуть меньше ста километров. Длина реки – километров двести, плюс-минус. Чаще плюс, чем минус.

По-настоящему сильное течение появляется в сотне километров от океана, но Сент-Мэрис не торопится достичь этой точки. Хотя она течет под одним именем, на самом деле это четыре разные реки. Первая начинается от Мониака, протекает под мостом и ведет к Стокбриджу – итого примерно пятьдесят километров. Вообразите сточную канаву в кирпичном туннеле. Река здесь узкая, над ней нависают переплетенные ветви деревьев, ее пересекают железнодорожные эстакады. Вокруг полно лягушек, испанского мха и змей. Сент-Мэрис непроходима, потому что сплошь завалена упавшими как попало деревьями, так что долго грести невозможно.

Можно плыть, протискиваться, пробираться, обходить или прорубать дорогу – река регулирует твою и без того малую скорость.

У реки собственный ритм, и он куда медленнее твоего, физически и эмоционально, если только ты не приноровился к нему за долгие годы жизни на Сент-Мэрис. Течение неровное: где-то быстрое, а где-то, учитывая ландшафт, медленное. Возможно, уровень воды поднялся, возможно, берега расширились, возможно, река пробилась сквозь известняк и набрала скорость, а возможно, она заставит тебя сделать U-образный поворот, как будто катаешься на водных лыжах. Как бы то ни было, постоянно в ней лишь то, что она течет к океану.

Не считай реку неодушевленной и не сомневайся – она гораздо лучше гармонирует с тобой, нежели ты с ней. Ее берега – то утесы, то песчаные холмы, то коровьи пастбища, откуда в реку скатываются грязь и навоз. В итоге образуются ямы, которые кишат окунями, лещами и щитомордниками. Там, где сквозь ветви пробивается солнце, берега Сент-Мэрис усеяны крошечными пляжиками, на них стоят покосившиеся сараи с жестяными крышами и деревянные лачуги. Середина реки – цвета расплавленной бронзы, и вода почти везде довольно холодная.

Второй отрезок реки тянется от Стокбриджа до Трейдерс-Ферри – семьдесят километров. Здесь река расширяется, появляются места, где можно грести, а берега становятся снежно-белыми. Поскольку Сент-Мэрис постоянно подмывает берег, растущие на нем старые деревья падают. Сначала они наклоняются, как будто отвешивают поклон, потом скрещиваются, словно клинки в торжественной процессии, а затем валятся, когда река, прокладывая себе дорогу через песчанник, обрывает корни. Глубина – от половины до трех метров. Под водой – невидимый замысловатый лабиринт ветвей, которые цепляются за лодку и за тех, кто пытается плыть. На берегах, в тени, обитают олени, черные медведи, дикие свиньи, куропатки и индейки. Здесь Сент-Мэрис начинают осваивать люди – они возводят дома на сваях, купаются, наслаждаются прохладой, вешают веревочные качели и засоряют реку пивными банками и поплавками. Цвет расплавленной бронзы сменяется чайным. В зависимости от солнца – даже кофейным. Но пусть это не вводит вас в заблуждение. Черный вовсе не означает плохой. Или злой. Песчаное дно играет роль фильтра. Как и все на реке, внешнее бывает обманчиво.

Третья часть реки, от Трейдерс-Ферри до шоссе № 17, – длиной пятьдесят семь километров. Если считать от эстакады, океан всего в сорока пяти километрах вниз по течению – это значит, что на реке ощущаются прилив и отлив. Течение меняется каждые шесть часов. Русло быстро мелеет и медленно наполняется – как сливной бачок. Ширина в некоторых местах достигает от двухсот до четырехсот метров. Река кишит живностью – выдрами, бобрами, змеями и аллигаторами. Песчаные пляжи сменяются лодочными пристанями, рыбными садками и давно сгнившими доками. На берегах растут сосны и почти непроходимые кусты пальметто. Пробираться по берегу – все равно что гладить дикобраза, приходится тщательно выбирать места. И не спешить. Местные жители вбивают в берег сваи, воздвигают прочные бетонные стенки и строят уютные домики, где можно сидеть, пить мятный джулеп и слушать, как плещется река. В этих краях она становится излюбленным местом отдыха – по ней то и дело снуют

рыбаки, любители водных лыж, браконьеры и речной патруль. Сент-Мэрис снова меняется. Здесь она таит свои секреты – и становится угольно-черной.

Последний ее отрезок тянется от моста на шоссе № 17, мимо городка Су-Сент-Мари и до залива Камберленд, где река впадает в Атлантический океан. Здесь она порой достигает двух километров в ширину, иногда даже больше, и около двенадцати метров в глубину. Ее солоноватые воды становятся коричневыми, в них резвятся дельфины, акулы и морские окуни. Глинистые берега кишат крабами и устрицами, там лежат груды английской гальки, которую некогда использовали в качестве балласта. Река ускоряется, появляются подводные течения – настоящие торнадо, которые крутятся под поверхностью и способны засосать утку. Пускай себе петляет и вьется – не позволяйте Сент-Мэрис перехитрить вас. Ее скорость обманчива.

Ландшафт реки меняется с каждым километром – и ритм тоже. Она не позволит спешить. Сначала она тебя задержит, заставляя ползти черепашьям шагом. Потом, убаюкав, позволит встать и размять ноги. Когда ты подтвердишь свою готовность, река выпустит тебя на открытую воду и разрешит прогуляться. И наконец, если ты того стоишь, если пережил все самое худшее, что только может случиться с тобой на реке, Сент-Мэрис распахнет тебе объятия, прижмет к груди и обласкает. Но река – ревнивая мать. Если ты промешкаешь, засомневаешься или перестанешь держать ухо востро, она извергнет тебя из своих недр, вышвырнет в океан и похоронит в его глубинах.

Когда река впадает в океан, солнце превращает воду в облака, чтобы снова вернуть ее на континент. Таким образом молекулы воды совершают путешествие от Окифеноки до Атлантики тысячи раз.

Затопленные стволы, пни и бобровые плотины сделали первый пятичасовой отрезок пути немислимым. Упряжь начала натирать мне плечи, потому что я не столько греб, сколько тащил каноэ. Эбби лежала в лодке и смеялась. Вскоре после полудня начался дождь, потом прекратился, и в просвет между облаками выглянуло солнце. Над водой поднимался пар, течение слегка ускорилося, но стало еще жарче. Перепады барометра странным образом влияют на животных, в том числе на змей. Они ищут местечко повыше – а значит, выбираются из своих нор и снуют вокруг.

Река круто свернула вправо, образовав песчаную отмель; я решил воспользоваться этим, пристал к берегу и уложил Эбби на песок, чтобы она могла понежиться на солнце и помочить ноги в воде. Она неплохо себя чувствовала и села, когда я опустил ее наземь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.